

ОТ АВТОРА СУПЕРБЕСТСЕЛЛЕРА
ЦРУ. ПРАВДИВАЯ ИСТОРИЯ

ТИМ ВЕЙНЕР

ФБР

П Р А В Д И В А Я
И С Т О Р И Я

ЛАУРЕАТ
ПУЛИТЦЕРОВСКОЙ ПРЕМИИ

ЛУЧШАЯ КНИГА ГОДА

ПО ВЕРСИИ СРАЗУ ТРЕХ ВЛИЯТЕЛЬНЫХ АМЕРИКАНСКИХ ИЗДАНИЙ
THE WASHINGTON POST • NEW YORK DAILY NEWS • SLATE

Тим Вейнер

ФБР. Правдивая история

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6703047
ФБР. Правдивая история: Центрполиграф; Москва; 2014
ISBN 978-5-227-05040-3

Аннотация

Провокационная, чрезвычайно интересная, скрупулезно выверенная книга лауреата Пулитцеровской премии Тима Вейнера посвящена вековой истории ФБР и может по праву считаться исчерпывающей энциклопедией деятельности этой тайной разведывательной службы США. Опираясь на рассекреченные в последние годы досье, автор представляет в истинном свете отца-основателя ФБР Дж. Эдгара Гувера. Рассказывает, как создавалась и совершенствовалась агентурная сеть. Как Гувер выполнял почти невыполнимые задания: осуществлял слежку за руководителями Советского Союза и Китая в самый мрачный период холодной войны, контролировал государственные перевороты против демократически избранных лидеров иностранных государств, искусно дестабилизировал положение президентов Соединенных Штатов. Как вел политическую войну и управлял государственными делами в целях национальной безопасности, зачастую действуя в ущерб морали. Подвергая анализу усилия руководителей ФБР в войне

с террористами, шпионами, анархистами и наемными убийцами, Тим Вейнер поднимает важный нравственный вопрос о том, готово ли общество отказаться от гарантий свободы, допустить незаконное проникновение агентов спецслужб в личную жизнь граждан ради обещаний безопасности.

Содержание

От автора	9
Часть первая. Шпионы и вредители	14
Глава 1. Анархия	15
Глава 2. Революция	24
Глава 3. Предатели	38
Глава 4. Коммунисты	67
Глава 5. «Кто такой господин Гувер?»	81
Глава 6. Преступники	109
Конец ознакомительного фрагмента.	121

Тим Вейнер

ФБР. Правдивая история

WARNING from the **FBI**

The war against spies and saboteurs demands the aid of every American.

When you see evidence of sabotage, notify the Federal Bureau of Investigation at once.

When you suspect the presence of enemy agents, tell it to the FBI.

Beware of those who spread enemy propaganda! Don't repeat vicious rumors or vicious whispers.

Tell it to the FBI!

J. Edgar Hoover
J. Edgar Hoover, Director
Federal Bureau of Investigation

The nearest Federal Bureau of Investigation office is listed on page one of your telephone directory.

Предостережение от ФБР

Война со шпионами и вредителями требует помощи от каждого американца.

Если вы видите признаки вредительства, немедленно уведомите об этом Федеральное бюро расследований.

Если вы предполагаете присутствие вражеских агентов, сообщите об этом в ФБР.

Остерегайтесь тех, кто распространяет враждебную пропаганду! Не распространяйте дурные слухи или толки.

Расскажите о них ФБР!

Дж. Эдгар Гувер, директор Федерального бюро расследований

Посвящается Роберту Д. Лумису, который научил меня писать; профессору Доре Б. Вейнер, которая научила меня читать; Кейт, Руби и Эмме Дойл, которые учат меня жить.

Безопасность от внешней угрозы – самая мощная направляющая сила поведения нации. Даже пылкая любовь к свободе через некоторое время уступит место ее требованиям. Бесчеловечное уничтожение жизни и материальных ценностей, присущее войне, непрекращающиеся усилия и тревога, сопутствующие состоянию постоянной опасности, вынуж-

дят народы, в наибольшей степени приверженные свободе, ради спокойствия и безопасности прибегнуть к общественным институтам, которые склонны к уничтожению их гражданских и политических прав. Можно с уверенностью сказать, что они в конечном итоге становятся согласны подвергнуться риску стать менее свободными.

Александр Гамильтон, 1787 г.

От автора

Предлагаем вашему вниманию историю Федерального бюро расследований как тайной разведывательной службы. Мы считаем ФБР полицейской организацией, которая арестовывает преступников и поддерживает власть закона. Но ведение тайной разведки против террористов и шпионов есть первая и наиглавнейшая задача на протяжении уже почти века.

Эта задача порождает конфликт, который авторы Конституции предвидели десять поколений назад. Свободный народ должен иметь и безопасность, и свободу. Это противоборствующие силы, и все же мы не можем иметь одно без другого. Тайным агентам позволено пренебрежительно относиться к законам; в их арсенал входят прослушивание телефонных разговоров, тайное наблюдение с помощью электронных устройств и незаконное проникновение в помещение. На протяжении десятилетий ФБР наилучшим образом служило делу национальной безопасности, обходя и нарушая закон. Тайная полиция – проклятие в демократической стране. Но ФБР делает ее самым строго охраняемым дополнением Америки.

В этой книге приведена вековая история постоянного конфликта по поводу поведения тайной разведки в открытом демократическом обществе, «перетягивания каната» меж-

ду национальной безопасностью и гражданскими свободами, сага о нашей борьбе за то, чтобы быть и защищенными, и свободными. Книга написана без анонимных источников или случайных цитат. В ее основе лежит более 70 тысяч страниц недавно рассекреченных документов, включая замечательное собрание разведывательных досье Дж. Эдгара Гувера, и более 200 устных рассказов, записанных агентами, которые служили во время и после его сорокавосемилетнего пребывания на должности главы ФБР.

Гувер стоит в центре этого века в истории Америки, подобно статуе, покрытой въевшейся грязью. Сторонники видят в нем дальновидную гениальную личность; противники — «дьявольскую канализационную трубу», по выражению советника президента Кеннеди по национальной безопасности. В настоящее время миллионы американцев знают его лишь как карикатурного персонажа: тирана в балетной пачке и трансвестита. Ничто из этого не соответствует действительности. Досье, рассекреченные за последние годы, рассеивают мифы и легенды и показывают Гувера в новом свете. Он выполнял секретные задания, которые были почти невыполнимы в то время, осуществлял слежку за руководителями Советского Союза и Китая в самый мрачный период холодной войны, отправлял подробные разведывательные сообщения о воздушных атаках смертников на Нью-Йорк и Вашингтон, контролировал государственные перевороты, затеваемые против какого-нибудь демократически избран-

ного лидера иностранного государства, и искусно дестабилизировал положение президентов Соединенных Штатов.

Гувер не был чудовищем. Он был американским Макиавелли. Он был проницателен, хитер и неумолимо следил за своими врагами. Он был отцом-основателем американской разведывательной службы и архитектором современного государства, в котором царит контроль за деятельностью граждан. Происхождением каждого отпечатка пальца в досье, каждого байта биографических и биометрических данных в компьютерных базах данных правительства обязаны ему.

Он умел мастерски манипулировать общественным мнением. Он вел политическую войну и тайно управлял государственными делами в целях национальной безопасности — часто в ущерб морали. Он со всепоглощающей страстью боролся с коммунизмом и терроризмом на протяжении 55 лет. Начиная с 1940-х годов и до своего смертного дня предвидел апокалиптические угрозы, которые встали перед нами в настоящее время. Тем не менее он оставил после себя организацию, которая чуть не погибла вместе с ним и вернулась к выполнению своей миссии по обеспечению национальной безопасности в рамках закона только за последние три года.

У ФБР никогда не было законной привилегии вне рамок президентской клятвы следить за точным исполнением законов, и президентов стесняли ограничения этой клятвы с времен Первой мировой войны. Они отдавали Гуверу распоряжения преследовать как пацифистов, так и террористов; они

делали своей мишенью и лидеров движения за гражданские права, и деятелей ку-клукс-клана. По их приказу ФБР нарушало свободы Билля о правах, чтобы усилить власть президента как главнокомандующего. «Конституция особенно не заботила ни одного президента в годы войны» — так однажды написал министр юстиции во времена Франклина Д. Рузвельта, и с той поры каждый президент считал себя воюющим.

История ФБР — это список незаконных арестов и задержаний, вторжений, взломов, прослушивания телефонных разговоров и тайного наблюдения с помощью электронных средств от имени президента. По замыслу эта книга лишь коротко затрагивает знаменитые криминальные дела, вроде войны с гангстерами во времена Великой депрессии и кровавой конфронтации с сектой «Ветвь Давидова», и сосредоточена на тайной разведывательной деятельности ФБР. Но в этом состоит суть рассказа о столетней войне Америки с террористами, шпионами, анархистами и наемными убийцами. Командующие в этой битве — президенты, министры юстиции и в равной степени директора ФБР использовали свои полномочия и злоупотребляли ими во имя национальной безопасности. И все же даже их власть имеет границы в нашем демократическом обществе. В более поздние годы своей жизни Гувер отказался исполнять противоречившие закону распоряжения президента Никсона. А Роберт Мюллер — директор Бюро с 4 сентября 2001 года противился при-

казам президента Буша осуществлять незаконное тайное наблюдение; в знак протеста он подал в отставку. Он сказал, что мы не выиграем войну с терроризмом, если в ходе борьбы утратим свои свободы.

Руководители ФБР каждый день живут в состоянии такого непрекращающегося противостояния. Американцы должны знать историю этой борьбы. В противном случае, когда разразится следующий кризис, они откажутся от гарантий свободы ради обещаний безопасности. Возможно, они будут более защищены, но менее свободны.

Часть первая.

Шпионы и вредители

Взрывы в сентябре 1920 г. на Уолл-стрит – теракт, который остался нераскрытым

Глава 1. Анархия

Дж. Эдгар Гувер пошел на войну в возрасте 22 лет. Это случилось утром в четверг 26 июля 1917 года. Он вышел из родного дома в Вашингтоне (округ Колумбия) и начал новую жизнь в министерстве юстиции, став рядовым сотрудником в армии людей, занимающихся в правоохранительных органах США борьбой со шпионами, вредителями, коммунистами и анархистами.

Америка вступила в Первую мировую войну в апреле. Первые контингенты ее солдат высаживались во Франции, будучи не готовыми к ужасам, с которыми столкнулись. На внутреннем фронте американцы были охвачены страхом перед диверсиями со стороны тайных агентов Германии. Страна находилась в состоянии боевой готовности в течение года со времени вражеского нападения на огромный склад американских боеприпасов, предназначенных для фронта. Темной летней ночью взрыв на острове Блэк-Том, расположенном на западе Нью-Йоркской гавани, унес 2 тысячи тонн взрывчатых веществ. Семь человек погибли на месте. На Манхэттене тысячи окон были вдребезги разбиты ударными волнами. Статуя Свободы была поранена осколками.

Гувер работал в отделе военных чрезвычайных ситуаций в министерстве юстиции США; ему было поручено предотвратить следующее неожиданное нападение. Он проявил во-

инственный дух и умение формулировать мысли своих вышестоящих начальников. И заслужил похвалу от начальника отдела Джона Лорда О'Брайена. *«Он работал по воскресеньям и ночами, как и я, – рассказывал О'Брайен. – Я несколько раз повышал его по службе просто за заслуги»*¹.

Гувер быстро поднялся до руководства Бюро по делам «враждебных иностранцев», которое занималось установлением личностей и заключением под стражу политически подозрительных иностранцев, проживавших в США. В возрасте 23 лет Гувер надзирал за 6200 немцами, интернированными в лагеря, и еще 450 тысячами немцев, находившихся под наблюдением правительства. В 24 года его поставили во главе только что созданного отдела по борьбе с радикалами министерства юстиции США, и он проводил самые крупные антитеррористические операции в истории Соединенных Штатов – облавы на тысячи радикально настроенных граждан по всей стране. У него не было ни огнестрельного оружия, ни боеприпасов. Тайная разведка была его оружием.

Гувер всю свою жизнь провел в Вашингтоне, округ Колумбия, где родился 1 января 1895 года самым младшим из четверых детей. Он был сыном и внуком правительственных служащих. Его отец Дикерсон страдал от депрессии; глубокое уныние стоило ему должности правительственного картографа и, вполне вероятно, ускорило его смерть. Его мать Энни была очень любящей, но строгой. Гувер прожил вме-

¹ Интервью О'Брайена // Си-би-эс ньюз. 1972. 2 мая (день смерти Гувера).

сте с ней в одном доме 43 года до дня ее смерти. Нескольким своим ближайшим помощникам он говорил, что остается холостяком из боязни жениться не на той женщине, и это станет крахом его жизни; неудачный брак погубит его. Племянница Гувера Маргарет Феннел выросла у него на глазах и поддерживала с ним связь на протяжении шести десятилетий. Она знала его как никто другой. «Иногда я думала, что он на самом деле – не знаю, как выразиться – боялся слишком близко сходитья с людьми»,² – вспоминала она. Если он когда-либо выражал любовь, выходящую за рамки любви к Богу и своей стране, то этому не было свидетелей. Он любил собак, но был лишен эмоций по отношению к людям. Его внутренняя жизнь была тайной даже для ближайших родственников и немногих близких друзей.

Гувер научился идти в военном строю и вести официальную полемику. Строевая подготовка и занятия по ведению дебатов в Центральной высшей школе были яркими моментами его молодости. Отделение по ведению дебатов в Центральной высшей школе было самым лучшим в городе, и Гувер стал одной из его звезд; в школьной газете хвалили его за дух соперничества и «холодную безжалостную логику»³. После волнующей победы над командой колледжа он сказал

² Интервью с Феннелл в кн.: *Демариса О. Директор: устная биография Дж. Эдгара Гувера / The Director: An Oral Biography of J. Edgar Hoover*. Нью-Йорк: Harper Magazine Press, 1975.

³ *О'Нил Х. Школьные годы Дж. Эдгара Гувера / J. Edgar Hoover's Schooldays // American Boy and Open Road*. 1954. Сентябрь.

корреспонденту газеты, что полемика дала ему «практический и полезный пример жизни, которая есть не что иное, как состязание людских умов».

Гувер стал работать на правительство Соединенных Штатов, как только получил диплом о высшем образовании. Правительственные здания располагались вокруг него. Его двухэтажный дом находился в шести кварталах к юго-востоку от Капитолийского холма. На вершине холма стояли здания сената и Белого дома с их залами и люстрами, огромный храм Верховного суда и Библиотека Конгресса со сводчатыми потолками и витражами. Послушный долгу, по воскресеньям Гувер читал молитвы в пресвитерианской церкви, но Библиотека Конгресса была мирским храмом его молодости. В этой библиотеке имелись все книги, опубликованные в Соединенных Штатах. Благоговейная тишина ее главного читального зала внушала чувство, что все знания под рукой, если вы знаете, где искать. В библиотеке имелась собственная система систематизации, и Гувер узнал все ее сложности, когда был там составителем каталога и зарабатывал деньги на оплату учения тем, что архивировал и находил информацию. Днем он работал в библиотеке, а по вечерам и по утрам летом учился в Университете Джорджа Вашингтона, где в июне 1917 года получил степень магистра юриспруденции. Он зарегистрировался для военной службы, но поступил на работу в министерство юстиции, чтобы бороться с войной на родине.

«Самая серьезная угроза»

6 апреля 1917 года Америка вступила в Первую мировую войну, президент Вудро Вильсон подписал приказы, дававшие министерству юстиции полномочия проводить аресты и лишать свободы без суда любого иностранца, которого оно сочтет нелояльным. Он сказал американскому народу, что Германия «наводнила наше ничего не подозревающее общество и даже наши правительственные кабинеты шпионами и начала везде плести свои преступные интриги»⁴. Слова президента подбросили дров в топку страха по всей стране, и страх лег огромным грузом на министерство юстиции. *«Когда мы объявили войну, – сказал О’Брайен, – были люди, которые ожидали увидеть настоящее царство террора в Америке»*⁵.

О’Брайен наблюдал за Гувером и его коллегами, когда они днем и ночью трудились в тесных, прокуренных комнатах отдела военных чрезвычайных ситуаций и Бюро по делам «враждебных иностранцев», сосредоточенно изучая отрывочные сообщения о заговорах против Америки. Они были подобны пожарным, слушающим нескончаемый звон лож-

⁴ Обращение президента Вильсона к конгрессу по поводу войны, 2 апреля 1917 г.

⁵ *«Когда мы объявили войну...»*: цитата из сказанного О’Брайеном в: Нью-Йорк таймс. 1918. 9 октября.

ной тревоги. Они подвергались «*колоссальному давлению*»⁶, вспоминал О'Брайен, сталкиваясь с требованиями политиков и общественности «преследовать в судебном порядке» и «проводить массовые репрессии» подозрительных американцев и в равной степени иностранцев, часто «основываясь ни на чем ином, как на безответственных слухах». До взрыва на острове Блэк-Том «народ этой страны не знал, что такое подрывная деятельность, – сказал он. – Правительство тоже было к этому не готово». После взрыва на острове в правительство посыпались сообщения о тысячах потенциальных угроз. Руководство США боялось, что враг может нанести удар в любом месте и в любое время.

Выдающиеся умы Германии, разработавшие операцию на острове Блэк-Том, трудились с того самого момента, как летом 1914 года в Европе началась Первая мировая война. Они планировали проникнуть в Вашингтон и «подорвать» Уолл-стрит; они завербовали ирландских и индусских националистов, чтобы те наносили удары по целям в США; они использовали Мексику и Канаду в качестве безопасных гаваней для тайных операций против Соединенных Штатов. Пока Гувер изучал юриспруденцию на вечернем отделении университета, в начале 1915 года военный атташе Германии в США капитан Франц фон Папен получил секретное предписание из Берлина – подорвать волю США к борьбе. Фон

⁶ О'Брайен Дж. Л. Новые посягательства на свободу человека / New Encroachments on Individual Freedom // Harvard Law Review 66. 1952. № 1. С. 14.

Папен начал создавать в США пропагандистскую машину⁷. Немцы тайно получили контроль над главной нью-йоркской газетой «Ивнинг мейл»; их подставные лица вели переговоры о покупке «Вашингтон пост» и нью-йоркской «Сан». Делу Германии служили политические посредники, продажные журналисты и сыщики.

Но после того как 7 мая 1915 года немецкая подводная лодка торпедировала британский пассажирский корабль «Лузитания», убив 1119 человек, включая 274 американца, посол Германии мрачно телеграфировал в Берлин: «Мы вполне могли бы открыто признать, что наша пропаганда здесь потерпела полный крах»⁸. Нападение на гражданских лиц вызвало у американцев ярость; политический и дипломатический статус Германии в Соединенных Штатах был серьезно дискредитирован. Президент Вильсон распорядился, чтобы за всеми служащими посольства Германии в Соединенных Штатах велось наблюдение. Госсекретарь Роберт Лансинг разослал секретных агентов для прослушивания разговоров немецких дипломатов. К концу года фон Папен и его коллеги-атташе были выдворены из Соединенных Штатов.

⁷ О размахе деятельности Германии см. показания А. Брюса Беляски (директор, Бюро расследований, отдел юстиции), Судебный комитет сената, 65-й созыв, 2-я сессия, 6 декабря 1918 г. (Washington D.C.: Government Printing Office, 1919).

⁸ Цитата Берншторффа в кн.: Линк А. С. Уилсон: борьба за нейтралитет 1914–1915 гг. / Wilson: The Struggle for Neutrality, 1914–1915. Princeton; N.J.: Princeton University Press, 1960. С. 378.

Когда Гувер пришел в министерство юстиции, О'Брайен только что судил и признал виновным одного немецкого шпиона – капитана Франца фон Ринтелена. Это дело попало на первые полосы газет. Фон Ринтелен прибыл в Нью-Йорк за несколько недель до затопления «Лузитании» с поддельным швейцарским паспортом. По приказу высшего командования Германии он завербовал неработающих моряков в нью-йоркских доках, радикально настроенных ирландских националистов, художника-мошенника с Уолл-стрит и пьяного конгрессмена из Чикаго, планируя использовать их для организации диверсий в военной промышленности Америки с помощью комбинации коммерческого жульничества и зажигательных бомб. Но капитан фон Ринтелен бежал из Соединенных Штатов, справедливо опасаясь разоблачения своих тайных планов. Офицеры британской разведки, которые читали телеграммы немца, арестовали его, когда тот приземлился в Англии, жестко допросили его в лондонском Тауэре и передали его в руки министерства юстиции для предъявления официального обвинения и суда.

«В Америке раньше не случалось ничего подобного, – сказал президент Вильсон в конгрессе после ареста капитана. – Еще недавно такое показалось бы невероятным. Из-за того что это было невероятным, мы оказались к этому не готовыми».

Террористы и анархисты представляли собой «самые серьезные угрозы нашему национальному миру и безопасно-

сти, – сказал президент. – Такие проявления нелояльности и анархии должны быть пресечены... Рука нашей власти должна немедленно хватать таких людей»⁹.

Дж. Эдгар Гувер и ФБР станут инструментами этой власти.

⁹ Вудро Вильсон, Третье ежегодное послание конгрессу, 7 декабря 1915 г.

Глава 2. Революция

«Я верю во власть», – написал в июне 1908 года президент Теодор Рузвельт, когда решил создать формирование, которое превратилось в ФБР. В годы своего пребывания у власти он имел «больше власти, чем в любом другом ведомстве в любой великой республике или конституционной монархии наших времен, – записал он с гордостью. – Я использовал всю власть, которая была, до капли»¹⁰. Катапультированный на пост президента наемным убийцей-анархистом на пороге XX века, Рузвельт боролся за укрепление демократии, стремился ввести политический порядок, построить государство, в котором главенствовал бы закон.

Рожденная в революции и посвященная свободе, Америка была раздираема Гражданской войной, потом объединилась и обрела новую форму благодаря массовому переселению иностранцев, ищущих свободу. На пороге XX века последние неконтролируемые и неуправляемые западные территории были уже на грани того, чтобы стать штатами. Границы в горах и пустынях закрывались. В Соединенных Штатах жили приблизительно 76 миллионов человек, более половины из них – в маленьких городах и деревнях. Пока Америка бо-

¹⁰ Письмо Теодора Рузвельта Джорджу Отто Тревелияну, 19 июня 1908 г. в кн.: *Бишоп Д.Б.* Теодор Рузвельт и его время в его письмах / Theodore Roosevelt and His Time Shown in His Own Letters. Нью-Йорк: C. Scribner's Sons, 1920. С. 92–94.

ролась за то, чтобы цивилизовать свои границы, на огромных ее просторах отсутствовал закон. Федеральные маршалы выступали в роли шерифов и формировали вооруженные отряды; они смотрели в лицо смерти от рук головорезов.

В американских городах – генераторах денег и власти, изобретений и информации бедные кварталы кишели иммигрантами, ищущими свободы и богатства в Новом Свете. К 1900 году американская промышленность и рабочие стали самыми крупными создателями капитала на Земле, производя почти одну четвертую часть промышленной продукции, выпускавшейся в мире. По мере того как Америка превращалась в гиганта, влияние корпоративных материальных ценностей колоссально выросло; промышленные магнаты стремились руководить и управлять миллионами рабочих, труд которых сделал их богатыми. По мере того как Америка превращалась в мировую силу, каждая новая волна иммигрантов из Старого Света подпитывала страх перед подрывной деятельностью иностранцев. Революционеры ввозили опасные идеи из Германии, Италии и России. Их памфлеты и протесты были направлены против политического и экономического порядка в Америке. Рудники, заводы и потогонные предприятия Америки были полны людей, которые когда-то жили при царях и королях. Они мечтали о лучшем мире. Самые радикальные из них представляли себе гибель старого режима и возникновение политической утопии, в которой правили бы обездоленные.

«Настало время великих социальных революций, – написал Рузвельт в 1895 году – в год, когда он стал комиссаром полиции города Нью-Йорка и родился Дж. Эдгар Гувер. – Мы все всматриваемся в будущее, пытаюсь предсказать действия огромных безмолвных сил, приведенных в действие громадой промышленной революции, которая произошла в нынешнем веке. Мы не знаем, что делать с огромным перемещением населения, ростом городов, беспорядками и недобольством масс»¹¹.

Анархия царила в огромных безмолвных силах, выпущенных на волю. Анархисты ставили своей целью уничтожение власти как таковой, хотели снести столпы западной цивилизации. В 1894 году они убили президента Франции, в 1897 – премьер-министра Испании, в 1898 – императрицу Австрии, в 1900 – короля Италии и в 1901 году – президента Соединенных Штатов Уильяма Маккинли. Убийство Маккинли сделало Теодора Рузвельта президентом в возрасте 42 лет; это был самый молодой президент в истории Америки.

В своем первом обращении к конгрессу в декабре 1901 года Рузвельт заявил, что «анархия – преступление против всего человечества»¹². Он потребовал, чтобы новые законы запретили революционерам и подрывным элементам жить в

¹¹ *Рузвельт Т.* Американские идеалы и другие очерки на социальные и политические темы / *American Ideals, and Other Essays, Social and Political*. Нью-Йорк: G.P. Putnam's Sons, 1897. С. 304.

¹² Теодор Рузвельт, Первое ежегодное послание конгрессу, 3 декабря 1901 г., онлайн на American Presidency Project, <http://www.presidency.ucsb.edu>.

**«Все эти люди должны
быть взяты на карандаш»**

Президент Рузвельт вкусил имперской власти, и она ему понравилась. Он действовал в одиночку, когда прокладывал огромный канал из панамских джунглей; в одиночку решил послать американский флот, чтобы продемонстрировать миру силу. Он знал, что иностранцы могут нанести ответный удар, когда Америка продемонстрирует свою силу всему миру. Но в первые годы своей президентской деятельности Рузвельт не обладал реальной властью для того, чтобы бороться с преступлениями против Соединенных Штатов. Его министерство юстиции только начинало учиться поддерживать правопорядок.

Созданному в 1870 году – через пять лет после окончания Гражданской войны – министерству юстиции и его руководителю было поручено навести порядок в стране, лишенной единства. Министр юстиции и его юристы расположились в квартале от Белого дома на трех верхних этажах Сберегательного банка Фридмана – в отвратительном месте, смердящем канализацией, воды которой текли вниз; там они и оставались до конца XIX века. Конгресс дал им полномочия раскрывать преступления против Соединенных Штатов и преследовать за них в судебном порядке, ассигновав

огромную сумму 50 тысяч долларов в год на эти высокие цели; но ему не удалось создать федеральный свод законов, регламентирующий то, как должно быть обеспечено правосудие.

Четыре президента в XIX веке обращались к самой могущественной частной полицейской организации страны – Национальному детективному агентству Пинкертона как инструменту принудительного применения закона, источнику сведений секретного характера и оружию политической борьбы. «Я всегда испытывал отвращение к назначению детективов и оплате их услуг»¹³, – написал в 1884 году министр юстиции Бенджамин Брюстер. Но тем не менее он делал это. Основатель агентства Алан Пинкертон выполнял шпионские задания во время Гражданской войны и помогал создавать секретную службу для президента Авраама Линкольна. Его сыщики служили железнодорожным и сталелитейным магнатам, ведя слежку, расстраивая забастовки и пробивая черепа лидерам профсоюзов. Они платили осведомителям, личности которых были защищены кличками. Им не претило нарушать закон для поддержания законности или применять насилие во имя порядка. В 1892 году конгресс запретил правительству пользоваться услугами этой фирмы после того, как в результате столкновения на стале-

¹³ Министр юстиции Брюстер процитирован в кн.: *Каммингз Г., Макфарланд К. Федеральная юстиция: главы истории юстиции и федеральная исполнительная власть / Federal Justice: Chapters in the History of Justice and the Federal Executive.* Нью-Йорк: Macmillan, 1937. С. 373.

литейном заводе Карнеги в Хомстеде, Пенсильвания, погибли трое служащих агентства Пинкертона и пятеро рабочих. Белый дом теперь лишился умения, хитрости и силы частных детективов.

После убийства Маккинли один из служащих агентства Пинкертона предложил создать новую правительственную организацию с целью искоренения радикалов в Америке. «Все эти люди должны быть взяты на карандаш и находиться под постоянным наблюдением»¹⁴, – писал Роберт А. Пинкертон. В 1903 году с новыми законами, запрещающими анархистам жить в Соединенных Штатах, министерства юстиции и труда начали вести секретные досье на радикалов-иностранцев.

Республиканец Рузвельт хотел бороться и с плутократами, и с анархистами. То, как они незаконно присваивают себе нефть, уголь, полезные ископаемые и древесину на федеральных землях, приводило его, основателя национальных парков Америки, в ужас. Объединившиеся преступники, присваивающие себе общественную собственность для личной выгоды, давали взятки политикам, чтобы защитить свои махинации с землей. Используя тысячедолларовые купюры как оружие, они грабили миллионы акров американских приграничных территорий.

В 1905 году федеральное расследование, проведенное с

¹⁴ *Пинкертон Р.А. Слежка за анархистами // North American Review 173. № 540. С. 39.*

участием грубоватого агента Секретной службы Уильяма Дж. Бернса, привело к предъявлению обвинения и признанию виновным сенатора Джона Х. Митчелла и конгрессмена Джона Х. Уильямсона из Орегона (оба они были республиканцами) в разграблении обширных лесов Каскадных гор. В передовице одной орегонской газеты справедливо утверждалось, что Бернс и правительственные следователи использовали «методы русских шпионов и сыщиков»¹⁵. Сенатор умер в то время, когда его дело было на апелляции. Признание конгрессмена виновным было отменено Верховным судом США на основании «возмутительного поведения»¹⁶ Бернса, включающего бесстыдные попытки повлиять на присяжных и свидетелей. Бернс ушел с правительственной службы и стал известным частным детективом; его мастерство в прослушивании телефонных разговоров и гостиничных номеров в конечном счете вознесло его на пост начальника Эдгара Гувера в ФБР.

Грабеж целинных земель мошенниками и спекулянтами продолжался, не ослабевая. Президент был в гневе.

«Рузвельт в своей характерной энергичной манере утвер-

¹⁵ Неподписанная редакционная статья в «Салем» (Орегон) Capitol Journal, перепечатанная в Portland Oregonian 8 июля 1905 г.; процитирована в кн.: *О'Каллаган А. Сенатор Митчелл и мошенничества с землей в Орегоне, 1905 / Senator Mitchell and the Oregon Land Frauds, 1905 // Pacific Historical Review 21. № 3 (август 1952 г.). С. 261.*

¹⁶ Министр юстиции Викаршем президенту Тафту, 10 мая 1912 г., NARA RG 60, досье по делу Джонса Пардона.

ждал, что расхитители общественной собственности будут преследоваться по закону и привлекаться к судебной ответственности»¹⁷, – как написано в служебной записке Гуверу от спецagenta ФБР Луиса Финдли, который поступил на службу в Бюро в 1911 году. Эта служебная записка – уникальный документ, свидетельствующий о рождении ФБР, происхождение которого по вполне понятным причинам скрывалось его основателями.

«Рузвельт вызвал министра юстиции Чарльза Дж. Бонапарта в Белый дом и сказал ему, что он желает, чтобы мошеннические сделки с землей жестко преследовались по закону, и распорядился, чтобы тот набрал необходимый персонал для ведения расследований». Бонапарт был человеком редкого в Америке аристократического происхождения – внучатым племянником императора Франции Наполеона I и внуком короля Вестфалии. Он был близким другом и советником Рузвельта на протяжении многих лет. Оба этих человека были аристократами, равно как и прогрессивными людьми, реформаторами и моралистами; оба они поддерживали разумное применение силы во имя закона. Рузвельт стоял за то, чтобы дать забастовщикам почувствовать вкус полицейских дубинок; Бонапарт полагал, что насилие со стороны виджилантес (члены неофициально созданной органи-

¹⁷ Финдли – Гуверу, «Меморандум для директора. Об истории возникновения Бюро расследований, министерство юстиции Соединенных Штатов», 19 ноября 1943 г.

зации по борьбе с преступностью несанкционированными методами. – *Пер.*) может послужить восстановлению общественного порядка.

«Бонапарт обратился к Секретной службе Соединенных Штатов за обученным персоналом для ведения надлежащего и необходимого расследования и получил немалую группу сотрудников для пресечения заключения безудержно растущих мошеннических сделок с землей», – рассказывал Финдли. Президент Рузвельт остался неудовлетворенным. «Он сказал г-ну Бонапарту в самых сочных выражениях, ему характерных, что этот доклад – очковтирательство. Ему нужны факты, все факты и настоящие факты, а если понадобится кому-то втереть очки, то он сам будет это делать», – утверждает он далее.

«Президент Рузвельт велел Бонапарту создать следственную службу в рамках министерства юстиции, не подчиняющуюся никакому другому департаменту или бюро, которая не была бы подотчетна никому, кроме министра юстиции». Приказ президента «привел к образованию Бюро расследований».

По закону Бонапарт должен был просить палату представителей и сенат создать это новое бюро. «Министерство юстиции не располагает исполнительными силами, а точнее, никакими постоянными сыскными силами под своим непосредственным руководством»,¹⁸ – написал Бонапарт в кон-

¹⁸ Ежегодный доклад министра юстиции Соединенных Штатов, 1907 г., онлайн

гресс; таким образом, оно было, «несомненно, не полностью оснащено для своей работы». Он официально стремился получить деньги и полномочия для создания «небольшого, тщательно отобранного и опытного коллектива».

27 мая 1908 года палата представителей весьма выразительно сказала свое «нет». Конгрессмены боялись, что президент намеревается создать в Америке тайную полицию. Этот страх был вполне обоснован. До него президенты использовали частных сыщиков в качестве политических шпионов.

«Представления американцев об управлении» запрещали «слежку за людьми и вмешательство в то, что обычно считалось их частными делами»¹⁹, – сказал конгрессмен Джо-

на www.fbi.gov/libref/historic/history/origins.

¹⁹ Слушания в комитете по ассигнованиям в палате представителей о недостатке ассигнований, 59-й созыв, 2-я сессия (1907). 17 января 1908 г. председатель Комитета по ассигнованиям Джеймс А. Тони, республиканец из Миннесоты, поставил ловушку для министра юстиции Бонапарта. Комитет по ассигнованиям контролировал ход федеральных расходов. Бонапарту на открытом слушании был задан вопрос, сколько агентов секретной службы и сыщиков наняло министерство юстиции за последний год. «Трудно сказать», – ответил он, изо всех сил стараясь избежать ответа на вопрос. Ему напомнили, что существует конкретная сумма денег, выделенная на секретную службу, и законное требование состоит в том, чтобы ассигнования были ограничены одной лишь этой службой. Нанимал ли он на службу и частных детективов? «Нам приходится время от времени брать на службу специальных агентов», – ответил Бонапарт. – Нам приходится иметь в штате сколько-то детективов... Но очень много и не нужно, и следует помнить, что людей такого рода... следует использовать с большой осторожностью». – «Эти люди не всегда порядочны?» – спросили Бонапарта. «Не всегда, сэр», – ответил он. Конгрессмен Тони не только блокировал просьбу Бонапарта

зеф Свагар Шерли, демократ из Кентукки. Конгрессмен Уолтер И. Смит, республиканец из Айовы и позднее судья Федерального апелляционного суда, решительно возражал против создания «системы шпионажа» в Америке. Конгрессмен Джон Дж. Фитцджеральд, демократ из Нью-Йорка, предостерегал против «централизованной полицейской или шпионской системы в федеральном правительстве». Конгрессмен Джордж И. Уолдо, республиканец из Нью-Йорка, сказал, что это будет «сильный удар по свободе и свободным общественным институтам, если в этой стране появится какое-нибудь крупное централизованное бюро секретной службы, вроде того, какое существует в России».

Конгресс запретил министерству юстиции потратить хотя бы цент на предложение Бонапарта. Министр юстиции уклонился от исполнения этого распоряжения. Этот маневр мог нарушить букву закона. Но он соответствовал настрою президента.

Теодор Рузвельт был «готов задвинуть Конституцию в дальний угол всякий раз, когда она становилась помехой»²⁰, как заметил Марк Твен. Происхождение ФБР кроется в том смело брошенном вызове конгрессу.

об ассигнованиях из федерального бюджета для создания нового Бюро расследований, но и пошел дальше: он записал условие в федеральный бюджет, запрещающее министерству юстиции использовать агентов секретной службы в качестве следователей.

²⁰ Твен преподобному Дж. Х. Твитчеллу, 16 февраля 1905 г. Письма Марка Твена / Mark Twain's Letters. Нью-Йорк: Harper & Brothers, 1919. С. 766.

«Министр юстиции знает или должен знать»

Бонапарт подождал, пока конгресс не прервет свою работу на каникулы в конце июня. Тогда он залез в резервный фонд министерства юстиции для покрытия текущих расходов и нанял восемь опытных агентов Секретной службы в качестве постоянных следователей на полный рабочий день. 26 июля 1908 года²¹ Бонапарт подписал официальный при-

²¹ В документах ФБР значится 29 июля 1908 г. как дата, когда Бонапарт запустил руку в свой фонд средств на различные нужды, чтобы нанять агентов секретной службы (источники разнятся в отношении того, было ли восемь, девять или десять агентов). Но Бюро называет официальным днем своего основания дату подписания приказа – 26 июля 1908 г. Приказ, подписанный Бонапартом, о создании постоянного «подразделения из специальных агентов» гласит: «Все вопросы, имеющие отношение к расследованиям под руководством министерства юстиции, за исключением тех, которые проводятся банковскими ревизорами и в связи со службой натурализации, будут направляться к главному ревизору для написания служебной записки в отношении того, есть ли в группе специальных агентов под его руководством человек, подходящий для выполнения необходимой работы. Санкции на расходы на специальные расследования не могут быть даны ни одним служащим министерства без выяснения, во-первых, имеются ли регулярные силы для выполнения желаемой работы. В случае если она не может быть выполнена регулярными силами специальных агентов министерства, этот вопрос будет особым образом поставлен перед министром юстиции или исполняющим его обязанности вместе с официальным отчетом главного ревизора с изложением причин, по которым штатный сотрудник не может быть откомандирован для выполнения этой работы, прежде чем будет дано разрешение на какие-либо расходы любой суммы денег на эти цели. *Чарльз Дж. Бонапарт*, министр юстиции». Прославленный бухгалтер, который занимал свою должность по протекции и носил титул «главного ревизора», был на самом деле первые годы

каз, учреждающий новое следственное подразделение в составе 34 сотрудников – «специальных агентов». Он пошел бы просить подаяние, занял или украл бы деньги, чтобы заполучить людей, которых хотел президент. Он назначил некоего Стэнли У. Финча – клерка, дисквалифицированного из юридической практики в Вашингтоне, первым начальником Бюро расследований.

«Трудности, с которыми мы сталкиваемся при вербовке надежных и квалифицированных сыщиков, очень велики»²², – в частной беседе предупредил Бонапарт президента. Это подразделение должно было иметь «некоторое знакомство с притонами и привычками преступников, а его сотрудники обязаны часто общаться и использовать в своей работе людей с чрезвычайно низкими нравственными устоями». Детективы часто «подвергаются соблазну сфабриковать желаемые доказательства», сказал Бонапарт. Министр юстиции должен был быть человеком, «который готов нести ответственность» за их работу.

Конгресс был уведомлен о создании Бюро расследований после свершившегося факта в декабре 1908 года в нескольких строках ежегодного отчета Бонапарта о работе министерства юстиции. «У министерства возникла необходимость сформировать небольшой коллектив своих соб-

директором Бюро расследований.

²² Бонапарт Рузвельту 14 января 1909 г., онлайн на www.fbi.gov/libref/historic/history/origins.htm.

ственных особых агентов, — написал он. — Такой шаг был непреднамеренным со стороны министерства». Это скрывало правду, так как президент отдал приказ о создании Бюро.

Бонапарт лично дал клятву в конгрессе, что Бюро не станет тайной полицией. Оно будет над политикой. Министр юстиции, как главное лицо, ответственное за соблюдение правопорядка, будет руководить его агентами и контролировать их. «Министр юстиции знает или должен знать, что они делают в любой момент»²³, — пообещал он.

Пропасть между «знает» и «должен знать» превратится в опасную бездну, когда Дж. Эдгар Гувер придет к власти.

²³ Бонапарт, ежегодный доклад министра юстиции Соединенных Штатов, декабрь 1908 г., онлайн на www.fbi.gov/libref/historic/history/origins.htm.

Глава 3. Предатели

1 августа 1919 года Гувер стал начальником только что созданного отдела по борьбе с радикалами министерства юстиции. Он обладал набором полномочий, уникальным в правительстве Соединенных Штатов.

В его ведении были сотни агентов и осведомителей, работающих на Бюро расследований. Он мог потребовать ареста почти любого человека по своему выбору. Он начал организовывать в масштабах страны кампанию против врагов государства. Ему было всего лишь 24 года.

За два года, прошедшие с тех пор, как Гувер начал работать на правительство, Соединенные Штаты провели и выиграли свои военные сражения за границей. Теперь правительство вступило в политическую войну с врагами на внутреннем фронте.

Министерство юстиции и Бюро расследований пользовались своей властью как против американцев, так и иностранцев с самого начала Первой мировой войны. Президент Вильсон предостерегал, что «злонамеренные шпионы и заговорщики» распространяют «среди нас подстрекательства к бунту». Он утверждал, что «многие наши граждане подкуплены» иностранными агентами. Гражданам, которые были против войны, он сказал, что они на самом деле воюют на стороне противника. «Горе человеку или группе людей,

которая встанет у нас на пути»²⁴, – сказал Вильсон.

Гувер изучил механику массовых арестов и задержаний в течение своего первого года работы в министерстве юстиции. В департаменте имелся список из 1400 политически подозрительных немцев, проживавших в Соединенных Штатах на день объявления войны. 98 из них были посажены в тюрьму незамедлительно, 1172 человека сочли потенциальной угрозой национальной безопасности страны и могли арестовать в любой момент. Они были первыми политически подозрительными людьми, за которыми Гувер установил наблюдение.

Бюро развернуло свои первые общегосударственные программы слежки по Закону о шпионаже от 1917 года, занимаясь облавами на радикалов, прослушиванием телефонных разговоров и вскрытием корреспонденции. Закон о шпионаже делал обладание информацией, которая могла причинить вред Америке, наказуемым смертью; заключение в тюрьму ожидало всякого, кто «произносил, печатал, писал или публиковал» нелояльные идеи. 1055 человек были признанными виновными по Закону о шпионаже. Ни один из них не был шпионом. Большинство были политическими диссидентами, которые выступали против войны. Их преступлениями были слова, а не поступки.

Роуз Пастор Стоукс – русская иммигрантка, вышедшая замуж за американского миллионера-социалиста, – была

²⁴ Вудро Вильсон, «Обращение в День флага в Вашингтоне», 14 июня 1917 г.

приговорена к десяти годам тюремного заключения по Закону о шпионаже за то, что сказала: «Ни одно правительство, поддерживающее спекулянтов, не может отстаивать интересы народа». Юджин В. Дебс – лидер Американской социалистической партии – был осужден за то, что выступил против ее осуждения. Он собрал почти миллион голосов против президента Вильсона, но свою следующую кампанию вел уже из тюрьмы. «Я верю в право на свободу слова и во время войны, и в мирное время, – сказал Дебс на суде. – Если Закон о шпионаже устоит, то тогда Конституция Соединенных Штатов умрет»²⁵. Его обвинитель Эдвин Вертц из министерства юстиции ответил, что Дебс представляет собой угрозу обществу, потому что его слова возбуждают умы американцев: если он останется свободным, «тогда любой человек может пойти в переполненный театр... и закричать «пожар!», когда никакого пожара нет». Верховный суд единогласно поддержал приговор – 10 лет тюрьмы. Судья Оливер Венделл Холмс, самый известный юрист в Америке, написал, что социалисты говорили «слова, которые могли возыметь действие силы». Они создавали «явную и существующую угрозу» государству.

Пока шла война, сенатор Ли Овермэн, республиканец из Северной Каролины, выдающийся член Судебной комиссии,

²⁵ Фриберг Э. Пленник демократии: Юджин В. Дебс, Великая война и право на инакомыслие / *Democracy's Prisoner: Eugene V. Debs, the Great War, and the Right to Dissent*. Кембридж: Harvard University Press, 2008. С. 98—104.

курировавшей министерство юстиции, потребовал от Бюро более решительных действий против «предателей, негодяев и шпионов»²⁶. Сенатор предупредил, что 100 тысяч иностранных агентов-шпионов ходят по территории Соединенных Штатов. Ссылаясь на Бюро, он удваивал и еще раз удва-

²⁶ Заявление сенатора Ли Овермэна, официальный бюллетень конгресса США, 65-й созыв, 2-я сессия, 4 апреля 1918 г. (Вашингтон, округ Колумбия: Government Printing Office, 1919 г.). Сенатор Овермэн созвал слушания Судебной комиссии по «красной» угрозе лишь через два месяца после окончания Первой мировой войны. Эти слушания во многих отношениях предвосхитили работу сенатора Джозефа Маккарти более чем тридцать лет спустя. Они повлияли на нарастание большого страха перед «красными» в 1919 г. В январе 1919 г. Овермэн заслушивал свидетельские показания о шпионаже Германии в военное время против Соединенных Штатов. Слушания потерпели провал, так как ни один диверсионный акт немцев не волновал страну со времени взрыва на острове Блэк-Том. Сенатор Овермэн и его коллеги по Судебной комиссии быстро обратили свое внимание на международный коммунистический заговор. «Я не знаю, можем ли мы сейчас углубляться в этот вопрос согласно нашей резолюции и заниматься изучением большевизма», – сказал сенатор. Но они занялись этим – и безотлагательно. Арчибальд И. Стивенсон – сорокапятiletний адвокат с Уолл-стрит и самопровозглашенный специалист по «красной» угрозе – приковал к себе внимание комиссии. Стивенсон сказал, что тысячи и тысячи американцев – священнослужителей, преподавателей университетов и колледжей, политиков, издателей оказались в рабстве у русской революции. Он называл сотни имен, включая таких уважаемых в стране людей, как чикагский общественный реформатор Джейн Аддамс и Чарльз Бирд – один из выдающихся историков Америки. Некоторые, по его словам, были активными агентами большевиков; другие – введенными в заблуждение интеллектуалами. Идеи Маркса, Ленина и Троцкого распространялись, как яд, внешне респектабельными американцами, как сказал Стивенсон сенаторам. В Соединенные Штаты из России хлынули деньги, люди и пропаганда, и американские агенты русских несли русскую революцию в каждый город и индустриальный центр страны через тайные комитеты, которые назывались Советами.

ивал эту цифру по своему желанию – 200 тысяч сегодня, 400 тысяч завтра.

Министр юстиции Томас Грегори написал обвинителю министерства юстиции: «В стране поднялась волна истерии в отношении немецких шпионов. Не могли бы вы упаковать и прислать мне дюжину, а я щедро заплачу вам за беспокойство. Мы постоянно ищем их, но несколько трудно охотиться на них, пока они не найдены»²⁷.

Охота на иностранных шпионов стала сумасбродной затеей. Армия и флот, госдепартамент, Секретная служба, федеральные маршалы, полиция больших городов соревновались друг с другом и Бюро расследований в бесплодной погоне. Бюро столкнулось с «огромным объемом дублирующих друг друга следственных действий, проводившихся различными ведомствами, которым было поручено выиграть эту войну»²⁸, – вспоминал агент по имени Френсис К. Доннелл. «Не было ничего необычного в том, что агент Бюро звонил какому-нибудь человеку в ходе своего расследования и узнавал, что шесть или семь других правительственных ведомств

²⁷ Министр юстиции генерал Грегори – Т.У. Тейлору, апрель 1918 г., процитирован в кн.: *Маккормик Ч.* В отношении «красных»: общегосударственная слежка за радикалами в районе Питсбург-Милл, 1917–1921 гг. / *Seeing Reds: Federal Surveillance of Radicals in the Pittsburgh Mill District, 1917–1921.* Питсбург: University of Pittsburgh Press. 2002. С. 64.

²⁸ Служебная записка Ф. О’Доннелла, 24 октября 1938 г., процитирована в «Анализе Федерального бюро расследований информации о безопасности страны: полномочия, официальные позиции и действия в исторической перспективе», ФБР, 28 октября 1975 г.

уже пытаются допросить его по тому же делу».

Эти поиски превратились во всеобщую потасовку. Министр юстиции Грегори и директор Бюро расследований в военное время А. Брюс Беласки поддерживали по всей стране представителей бизнеса, которые финансировали ультрапатриотическую Американскую лигу защиты, представлявшую собой банды граждан, которые шпионили за людьми, подозреваемыми в ведении подрывной деятельности. Они работали группами; каждый член группы носил значок, объявляющий его сотрудником Секретной службы. В период пика ее активности в лиге ²⁹, по некоторым утверждениям, насчитывалось более 300 тысяч сторонников. Ее самые рьяные члены получали удовольствие от незаконных проникновений в жилища своих соотечественников-американцев и их избиений от имени правосудия и государства. Слухи, сплетни и инсинуации, собранные членами лиги, наполняли досье Бюро расследований.

Зять президента Вильсона, министр финансов Уильям Г. Макэду, сказал президенту, что союз Бюро с Лигой представляет собой «серьезнейшую опасность непонимания, неразберихи и даже обмана»³⁰. Это привело президента в замеша-

²⁹ Директор Бюро расследований Брюс Беласки сообщил конгрессу в декабре 1918 г., что Американская лига защиты насчитывала в своих рядах от 300 до 350 тысяч человек, хотя другие правительственные чиновники называли цифру 250 тысяч членов.

³⁰ Макэду – Вильсону, 2 июня 1917 г., а Вильсон – Грегори, 4 июня 1917 г. в «Государственных документах Вудро Вильсона», с. 410–411, 416; онлайн на

тельство. Вильсон спросил министра юстиции Грегори, действительно ли эти виджилантес – самая лучшая организация, которую может сформировать Америка. Он сказал: «*Очень опасно* позволять такой организации действовать в Соединенных Штатах, и хотел бы я знать, есть ли способ остановить ее». Президент признал, что он «был нерадив и не пытался найти способов»³¹ прекратить беспорядок в правительственных рядах, но он все еще пребывал «в сомнениях относительно того, какое средство будет самым лучшим».

У министра юстиции Грегори был ответ. Когда прожекторы шарили по ночному небу Америки, а оповещающий вой сирен звучал все громче, он сделал Бюро расследований политической ударной силой.

Во время войны Бюро провело два главных политических рейда. Первый был осуществленной в масштабе всей страны атакой на организацию «Индустриальные рабочие мира» (ИРМ) – левое рабочее движение, насчитывавшее в Соединенных Штатах 100 тысяч человек. ИРМ приняла резолюцию против войны; само разглагольствование на тему войны было политическим преступлением по Закону о шпионаже. Министр юстиции решил убрать ИРМ с дороги³².

www.presidency.ucsb.edu/Woodrow_wilson.php.

³¹ Вильсон процитирован в работе Джона Ф. Фокса-младшего «Бюрократическая грызня по поводу контрразведки, 1917–1918 гг.», онлайн на www.cia.gov/library/center-for-the-study-of-intelligence/csi-publications/csi-studies/studies

³² Процитировано в кн.: *Дубофски М.* Мы станем всеми: История промышленных рабочих мира / «We Shall Be All»: A History of the Industrial Workers of the

Президент Вильсон одобрил эту акцию от всей души. «Нью-Йорк таймс» высказала мнение, что руководители этого союза были «фактически и, наверное, на самом деле агентами Германии»³³, руководствуясь предположением, что немцы платили ИРМ, чтобы ее члены подрывали промышленность Америки. Газета предположила, что «федеральные власти должны разделаться с этими предателями и заговорщиками». Агенты Бюро и члены Американской лиги защиты так и сделали. Они выбивали двери офисов ИРМ, домов ее активистов и приемных этой организации в двадцати четырех городах Америки; захватывали тонны документов и арестовывали сотни подозреваемых. Три массовых суда привели к тому, что по Закону о шпионаже были осуждены 165 руководителей этого союза. Сроки тюремного заключения для них доходили до 20 лет.

Политики и общественность приветствовали эти аресты. Призывы к заключению в тюрьму предателей, негодяев и шпионов звучали с церковных кафедр и из кабинетов государственных законодательных учреждений. Министр юстиции нашел легкую мишень. Он поручил Бюро расследований устроить облаву на уклонистов – людей, которые уклонялись от призыва на воинскую службу, – весной и летом 1918 года. Общеизвестно, что самым крупным рейдом на уклонистов была трехдневная облава, назначенная на 3 сентября, –

World. Чикаго: University of Illinois Press, 2000. С. 233.

³³ См.: Нью-Йорк таймс. 1917. 4 августа. С. 6.

самая целенаправленная операция за десятилетнюю историю существования Бюро расследований. Тридцать пять агентов собрались под руководством Чарльза де Вуди, начальника Нью-Йоркского отделения Бюро. Сотрудникам Бюро оказывали поддержку около 2 тысяч членов Американской лиги защиты, 2350 военнослужащих и служащих флота и по крайней мере 200 офицеров полиции. Они прошли по улицам Манхэттена и Бруклина на заре, переправились через реку Гудзон на паромах и развернулись в цепь, охватившую Нью-арк и Джерси-Сити. Они арестовали приблизительно 50–65 тысяч подозреваемых, хватая их на тротуарах, вытаскивая из ресторанов, баров и отелей, и отправили их в местные тюрьмы и государственные оружейные заводы. Среди обвиняемых было около полутора тысяч уклоняющихся от призыва и дезертиров. Но десятки тысяч невинных людей были арестованы и заключены в тюрьму без всякой причины.

Министр юстиции попытался снять с себя ответственность за облавы, но Бюро не позволило ему этого сделать. «Никто не может сделать из меня козла отпущения, – с вызовом сказал де Вуди. – Все, что я предпринял в связи с этой облавой, было сделано под руководством министра юстиции и директора Бюро расследований»³⁴.

Политическая буря по поводу ложных арестов и тюремного заключения множества людей была недолгой. Но и министр юстиции Грегори, и директор Бюро Беласки вскоре

³⁴ Де Вуди процитирован в: Нью-Йорк таймс. 1918. 6 сентября. С. 1.

ушли в отставку. Их имена и репутация были забыты. Их наследие сохранилось только потому, что оно досталось Гувенору.

«Серьезнейшая угроза Соединенным Штатам»

«Красная» угроза начала овладевать воображением правительства Соединенных Штатов в последние недели Первой мировой войны.

Президент Вильсон отправил около 14 тысяч солдат на борьбу с большевиками на заснеженные границы России. Они все еще вели боевые действия, когда 11 ноября 1918 года в Европе замолчали пушки. Первое сражение войны с коммунизмом Америка вела боевыми патронами.

Президент также повел политическую атаку на русских радикалов. Удивив своих ближайших помощников, Вильсон лично дал разрешение на публикацию секретных досье с целью показать, что вожди русской революции были платными агентами правительства Германии. Эти документы были доставлены в Белый дом одним из экспертов Вильсона по пропаганде, который считал, что произвел... «величайшую сенсацию в истории»³⁵. Президент ни с кем не проконсультиро-

³⁵ *Лангбарт Д. А.* Пять месяцев в Петрограде в 1918 г.: Роберт У. Имбрай и поиски Соединенных Штатов информации в России / Five Months in Petrograd in 1918: Robert W. Imbrie and the US Search for Information in Russia // *Studies in Intelligence* 52. № 1 (март 2008 г.). ЦРУ, Центр информационных исследова-

вался в отношении их подлинности. Это были фальшивки – грубые подделки, проданные доверчивому американцу царским мошенником, но они изменили политический диалог в Америке.

Теперь конгресс присоединился к войне с коммунизмом. В январе 1919 года сенат Соединенных Штатов начал слушания об угрозе коммунизма, которые возглавил сенатор Ли Овермэн из Судебной комиссии. Министерство юстиции дало сенатору Овермэну открытый доступ к документам Бюро расследований. В свою очередь, его комиссия передала Бюро копии всех своих отчетов, полученных из других ведомств правительства. Эти документы образовали краеугольный камень, ставший основой карьеры Дж. Эдгара Гувера.

Тон слушаний был задан свидетельскими показаниями

ний. Указанные документы были предоставлены Американским правительственным советом по пропаганде, Комитетом общественной информации, созданным президентом Вильсоном с целью поощрения массовой поддержки войны. Комитет выпускал действенные плакаты, киножурналы и речи – вместе с некоторыми необычными личностями. Среди них был Эдгар Сиссон – выдающийся издатель журнала, который был послан в Россию в качестве руководителя американской пропаганды. Сиссон получил должность в американском консульстве в Петрограде, ныне Санкт-Петербурге, когда революция большевиков свергла царское правительство. Он уговорил посла Соединенных Штатов заплатить 20 тысяч рублей за документы, предложенные на продажу издателем одной местной скандальной газетенки. Сиссон полагал, что раздобыл *«величайшую сенсацию в истории»*, говоря словами адвоката Госдепа. Он доставил свои «горячие» материалы президенту Вильсону, который приказал издать их во всех крупных газетах Америки. Вопреки совету министерства обороны Вильсон послал американские войска сражаться с большевиками. Американцы все еще воевали, после того как Первая мировая война официально закончилась 11 ноября 1918 г.

нью-йоркского юриста по имени Арчибальд Стивенсон – специалиста-самоучки по Советам.

– В таком случае цель состоит в том, чтобы сформировать правительство внутри существующего правительства? – спросил сенатор Овермэн. – И свергнуть это правительство?

– Именно, – подтвердил Стивенсон.

– Вы полагаете, что это движение в США постоянно растет?

Стивенсон ответил положительно, и, по его словам, оно представляет «серьезнейшую угрозу Соединенным Штатам в настоящее время».

– Вы можете предложить нам какое-то средство борьбы с ним? – спросил сенатор.

– Иностранные агитаторы должны быть депортированы, – сказал Стивенсон. – Американские граждане, которые выступают в поддержку революции, должны подвергнуться наказанию.

Сенатор закончил слушания, сказав, что уже давно пора начать «выносить такие свидетельские показания на суд американского народа и информировать его о том, что происходит в этой стране».

По мере того как тревога сената в связи с «красной угрозой» росла, воинственный дух в отношении мировой войны угасал. 9 миллионов американских рабочих, занятых в военной промышленности, были демобилизованы. Новых рабочих мест оказалось недостаточно. Стоимость жизни вырос-

ла почти вдвое со времени начала войны, когда 4 миллиона американских солдат стали возвращаться домой, 4 миллиона американских рабочих начали бастовать. Соединенные Штаты никогда еще не видели такой конфронтации между рабочими и хозяевами предприятий. Силы закона и правопорядка были убеждены, что за всем этим стоят «красные».

21 января 1919 года, в день, когда сенат заслушал первые свидетельские показания в отношении «красной» угрозы, 35 тысяч рабочих судостроительных заводов в Сиэтле не вышли на работу. Федеральные войска подавили бунт, но забастовочный дух распространился на угольные шахты и сталелитейные заводы, рабочих текстильных предприятий и телефонистов и на полицию Бостона. Сотни и сотни забастовок швыряли песок в ходовую часть американской машины. По стране распространился политический и экономический страх.

Белый дом был пуст. Президент Вильсон отплыл за океан на борту военного корабля «Джордж Вашингтон» с целью положить конец всем войнам. Он с самыми доверенными помощниками отправился во Францию с целью осуществления своей мечты – создания Лиги Наций, всемирного союза для поддержания мира. Вильсон назвал свое предложение завещанием; в нем звучала мессианская нотка. Его союзники в военное время, руководители Англии и Франции, сочли Вильсона невыносимым ханжой. Они были гораздо сильнее заинтересованы в том, чтобы наказать Германию, нежели в том,

чтобы строить новый мир, основываясь на представлениях Вильсона.

Не заключив мирный договор, Соединенные Штаты по-прежнему находились в состоянии войны за границей. При отсутствии президента в Белом доме нация осталась без руководителя, который вел бы войну внутри страны.

Вильсон находился за пределами Соединенных Штатов с 4 декабря 1918 по 24 февраля 1919 года. Девять дней спустя он снова выехал во Францию, и на родине его не было четыре месяца. В тот день, когда он уезжал во второй раз, Вильсон назначил своего старого политического союзника новым министром юстиции.

А. Митчелл Палмер был внешне приятным мужчиной 47 лет, три раза избиравшимся конгрессменом от Пенсильвании, пацифистом-квакером и краснобаем с гибкими принципами и грандиозными амбициями. Будучи влиятельной персоной Демократического национального комитета, он стал политическим администратором Вильсона на съезде Демократической партии в 1912 году. В течение 1918 года он руководил отделом по надзору за собственностью врагов США в рамках министерства юстиции как своей вотчиной, раздавая своим приятелям и закадычным друзьям опеку над захваченной собственностью граждан Германии и патенты стоимостью миллионы долларов. Теперь он ухватился за возможность руководить министерством юстиции.

У Палмера была одна большая цель. Он представлял себя

следующим президентом Соединенных Штатов.

«Мы взорвем вас динамитом!»

Тридцать шесть коричневых бумажных пакетов с динамитом проникли в США по почте в конце апреля 1919 года. Они составили величайший в истории Соединенных Штатов заговор с целью совершения политического убийства.

29 апреля первая бомба прибыла в дом в Атланте Томаса У. Хардвика, который только что оставил пост сенатора Соединенных Штатов от Джорджии. Хардвик содействовал принятию нового Закона о высылке из США анархистов и запрещении им въезда в страну, цель которого состояла в депортации радикально настроенных иностранцев. Бомба оторвала руки его экономке.

Это была не единственная бомба, посланная по почте, которая дошла до намеченной жертвы. Почтовый служащий в Нью-Йорке обнаружил таких шестнадцать штук на полке отправлений, посланных с предоплатой, – террористы наклеили недостаточное количество марок. Потенциальные убийцы были, очевидно, полуграмотны: они написали с ошибками имена некоторых адресатов. Но список их целей был непростой.

Во главе его стоял министр юстиции Палмер. В нем значился судья Верховного суда Оливер Венделл Холмс, равно как и судья Кинсо Маунтин Лэндис, который вынес уже бо-

лее ста обвинительных приговоров по Закону о шпионаже. К смерти были приговорены пять членов конгресса, включая сенатора Овермэна. В этом списке были имена министра труда и члена Комиссии по федеральной иммиграции – оба были ответственны за судебные дела о депортации согласно Закону о высылке анархистов. Там же были имена мэра и полицейского комиссара Нью-Йорка. Самыми известными мишенями были самые главные банкиры страны – Джон Д. Рокфеллер и Дж. П. Морган. Наименее известным из всех был пухленький, лысеющий двадцатидевятилетний агент Бюро расследований по имени Рейми Финч.

Финч провел не один месяц, гонясь за членами банды итальянских анархистов, возглавляемых Луиджи Галлеани – основателем подпольного журнала *Cronaca Sovversiva* («Подрывная хроника» – *ит.*). У Галлеани было, наверное, пятьдесят последователей, которые приняли близко к сердцу его призывы к насильственному перевороту, политическим убийствам и использованию динамита, чтобы вселить ужас в правящий класс. Грамотные революционеры проводили отчетливую границу между словесной пропагандой и пропагандой действий. Галлеани верил в действия. Финч с горсткой своих коллег-агентов из Бюро расследований шел по прерывающемуся следу из долины реки Огайо к Атлантическому океану, который закончился в феврале 1918 года налетом на конторы *Cronaca Sovversiva* в Линне, штат Массачусетс. Этот налет привел к аресту Галлеани и годом позд-

нее – судебному распоряжению о его депортации согласно новому Закону о высылке анархистов, равно как и еще восьми его ближайших сподвижников. Позднее, в январе 1919 года, Галлеани подал свою последнюю апелляцию, когда в промышленных городах Массачусетса и Коннектикута появилась листовка, подписанная «Американскими анархистами», в которой содержалась угроза грядущей «кровавой огненной» бури.

«Депортация не помешает этой буре достичь этих берегов, – гласила листовка. – Депортируйте нас! Мы взорвем вас динамитом!»

В ночь на 2 июня 1919 года еще девять бомб взорвались в семи городах. И снова каждая мишень осталась жива. В Нью-Йорке это был муниципальный судья, хотя был убит ночной сторож на улице. В Кливленде это был мэр города; в Питсбурге – федеральный судья и иммиграционный инспектор; в Бостоне – местный судья и государственный представитель. В Филадельфии террористы сделали своей целью церковь, а в Патерсоне (штат Нью-Джерси) – дом бизнесмена.

В Вашингтоне (округ Колумбия) какой-то молодой человек взорвал себя на пороге дома министра юстиции Палмера. Этот взрыв покачнул ряд изящных городских домов. Франклин Делано Рузвельт, тридцатисемилетний помощник министра флота США, возвращался домой после позднего ужина со своей женой Элеонор, когда взрыв расколол весеннюю ночь. Фасадные окна их дома на 2131 Р-стрит в Вашинг-

тоне были выбиты. Через улицу Палмер стоял среди руин своей гостиной. Фасад его дома был разрушен. Тротуары были покрыты осколками стекла, сломанными ветками, кусочками плоти и костей. Ушло много времени на то, чтобы определить, что фрагменты расчлененного тела были, по всей вероятности, бренными останками двадцатитрехлетнего иммигранта по имени Карло Вальдиночи – издателя Cronaca Sovversiva.

Копии свежей обвинительной речи в адрес правительства, напечатанные на розовой бумаге, трепетали над обломками. «Это война, классовая война. Вы первые начали ее под прикрытием могущественных общественных институтов, которые называете порядком, во тьме ваших законов, – гласила она. – Грядет кровопролитие; мы не станем прятаться. Будут еще убийства: мы станем убивать, потому что это необходимо. Будут еще разрушения: мы будем уничтожать, чтобы избавить мир от ваших тиранических институтов власти». Листовка была подписана: «Боевики-анархисты».

«Пламя революции»

Местные отделения Бюро расследований в Бостоне и Питсбурге первыми сообщили о том, что за взрывами стоит Москва.

Палмер предполагал, что ответственность за них несут «красные». Он стал министром юстиции в ту же неделю, ко-

гда Советы провозгласили создание Коминтерна – международного коммунистического движения. Объявляя о том, что это движение ставит своей целью ниспровержение существующего мирового порядка, Ленин открыто пригласил американцев присоединиться к ним.

Утром 3 июня, сидя в развалинах своей библиотеки, Палмер принял небольшую делегацию сенаторов и конгрессменов. «Они настоятельно призвали меня применить всю власть, какую только возможно применить, – рассказал он. – «Палмер, просите, что хотите, и вы получите это».

На первых полосах всех газет Америки он поклялся поймать террористов. Теперь ему были нужны охотники.

Сначала он выбрал нового руководителя Бюро расследований – Уильяма Дж. Флинна, бывшего начальника Секретной службы США. Палмер гордо представил его прессе как самого лучшего детектива Америки. Нью-йоркский полицейский с большим стажем и высшим образованием, Флинн работал водопроводчиком, прежде чем нашел свое призвание. На ротогравюре он был представлен как внушительная фигура в котелке, с сигарой во рту и большим животом, круглым от пива и бифштексов. В Нью-Йорке и Вашингтоне он обвел вокруг пальца нескольких газетных репортеров и завоевал себе репутацию классной ищейки, которая никогда не теряет след.

Флинн предостерег страну, что сотни тысяч иностранных агентов находятся в Соединенных Штатах. Правительство,

по его мнению, имело полное право сажать в тюрьму любое количество подозреваемых, чтобы поймать шпиона или вредителя. Его первым шагом была облава на «красных».

12 июня 1919 года агенты Бюро расследований и нью-йоркская государственная полиция разграбили недавно открывшиеся советские дипломатические представительства по адресу: Восточная Сороковая улица, 110, на Манхэттене. Они захватили груды папок – но не обнаружили ничего такого, что связало бы «красных» с терактами³⁶.

На следующий день министр юстиции Палмер отправился в конгресс и попросил денег и новых законов, чтобы остановить «красных» и радикалов. Он предупредил, что следующие атаки могут произойти в течение дней или недель, возможно, 4 июля. Он уже начал видеть растущий всемирный заговор коммунистов и обычных мошенников, «салонных социалистов» и сексуальных извращенцев – «массовое объ-

³⁶ Официальным представителем Москвы был гражданин Германии по имени Людвиг Мартенс: он тщетно добивался дипломатического признания от Соединенных Штатов. Подобно большинству иностранных посольств, представительство Мартенса должно было служить торговой миссией, пропагандистским рупором и шпионской базой, а не просто дипломатическим учреждением. Для Дж. Эдгара Гувера само существование Мартенса, видимо, доказывало зловещий союз между Германией военного времени и революционной Россией. Гражданин Германии, рожденный и выросший в России, интернированный в Англии во время войны как подданный другого государства, по прибытии в Нью-Йорк он объявил себя немцем, а затем советским послом. Он обнаружил, что американские промышленники рады торговать с Москвой, если им будут платить в твердой валюте. Кроме того, Советы хотели, чтобы американские войска были выведены из России, а американские технологии появились в ней.

единение преступников всего мира с целью свергнуть приличия частной жизни»³⁷. Он рассматривал взрыв своего дома как более чем ясный знак того, что «пламя революции охватывает каждое учреждение закона и порядка» в Америке, «лижет алтари церквей, проникает в школьные колокольни, заползает в священные углы американских домов».

17 июня Палмер и Флинн встретились в министерстве юстиции с группой помощников. Они вышли, чтобы объявить, что Бюро расследований незамедлительно устроит облаву на террористов. Флинн был убежден, что нападения – дело рук русских большевиков.

Шесть дней спустя сотрудники Бюро допросили Луиджи Галлеани, который сидел в камере предварительного содержания на Оленьем острове в Бостонской гавани в ожидании депортации. Они ничего от него не узнали. На следующее утро он уже плыл на корабле в Италию, чтобы никогда больше не ступить на землю Америки. Галлеани и его банде анархистов так и не было предъявлено обвинение; расследование тянулось двадцать пять лет и ни к чему не привело. Его последователи вскоре снова нанесут удар, совершив крупнейшее террористическое нападение, которое когда-либо видела Америка.

³⁷ Палмер А.М. Дело против «красных» / The Case Against the Reds // Forum 63 (февраль 1920 г.). С. 173–185.

«Тайные агентства, внедренные повсюду»

Два корабля шли через Атлантический океан. Один увозил из Америки Галлеани, другой вез президента на родину.

8 июля Вудро Вильсон возвратился в Соединенные Штаты после пяти месяцев тщетных усилий создать Лигу Наций. Его видение мира во всем мире ускользало и исчезало, как океанские волны. Он получил слабую поддержку от союзников Америки в войне. В сенате Соединенных Штатов рос презрительный (пренебрежительный, насмешливый) настрой. Вскоре Вильсон отправился по стране, ведя избирательную кампанию и доводя свои аргументы (основные идеи) до населения. В 1919 году не было государственных радиостанций; президент должен был лично выступать со своими обращениями. Он проехал свыше 8 тысяч миль по железной дороге, выступив с сорока речами в пятнадцати штатах.

Президент появлялся, как предсказатель Страшного суда. Хрипящий, кашляющий, с двоящимся зрением, измученный головными болями, Вильсон рисовал американскому народу картину апокалипсиса. Он пророчил стране и миру постоянную угрозу войны. Он говорил о русской революции так, словно она была огромным облаком смертельного газа, плывущим через Атлантику и несущим Америке «яд

массовых беспорядков, бунта и хаоса»³⁸.

«Мои уважаемые сограждане, неужели вы в самом деле думаете, что этот яд не проник в вены нашего свободного народа? – вопрошал президент. – В Америке люди спокойно смотрят вам в лицо и говорят, что они за такую революцию, тогда как такая революция означает власть террора». Без мира «этот яд будет постоянно распространяться все быстрее и быстрее до тех пор, пока наша любимая страна не придет в смятение и не изменится от него в худшую сторону».

Он предостерегал, что Соединенным Штатам нужно быть готовыми воевать «в любой части мира, где опасность войны представляет собой угрозу». Враги Соединенных Штатов дремать не будут: «Вы должны следить за ними с помощью тайных агентств, внедренных повсюду». Государству придется держать огромную регулярную армию и флот в состоянии постоянной высокой боевой готовности.

«И это нельзя делать в ходе свободной дискуссии, – говорил президент. – Это нельзя делать путем общественно-го обсуждения. Планы должны храниться в секрете. Знания должны накапливаться системой, которую мы осудили, потому что мы назвали ее шпионской. Более вежливые люди называют ее разведывательной».

Пока президент проводил агитационную поездку по Ве-

³⁸ Обращение президента Вильсона к сенату США 66-го созыва, 1-я сессия, док. 120, т. 435 (Вашингтон, округ Колумбия: Government Printing Office, 1920 г.).

ликим Равнинам, в Вашингтоне обрела форму новая разведывательная система Соединенных Штатов.

«Когда настанет время революции»

1 августа 1919 года министр юстиции поручил Дж. Эдгару Гуверу разрушить коммунистический заговор против Соединенных Штатов. Он сразу же почувствовал симпатию к Гуверу, чья неутомимая работа получила высокую оценку его начальства в министерстве юстиции.

Как новый начальник отдела по борьбе с радикалами, Гувер имел под своим началом шестьдесят одного агента Бюро расследований и тридцать пять осведомителей под прикрытием³⁹. Он начал заполнять папки Бюро информацией от военной разведки, Госдепа, Секретной службы. Он заручился поддержкой иммиграционной и паспортной служб, почтмейстеров, комиссаров полиции, частных детективов и членов «комитета бдительности». Команды домовладельцев⁴⁰ и взлом-

³⁹ Гувер, «Служебная записка о работе отдела по борьбе с радикалами 1 августа 1919 г. – 15 марта 1920 г.», Бюро расследований, RG65, Национальное управление архивов и документации.

⁴⁰ В 1919 г. «ударной группе ФБР, Управлению военно-морской разведки и представителям нью-йоркской полиции удалось взломать сейф Генерального консульства Японии в Нью-Йорке, где они обнаружили код военно-морского флота Японии, – записал офицер военно-морского флота того времени. – Этот код был сфотографирован постранично и перефотографирован вторично через год или два с целью выявления изменений. Шифр, используемый с этим кодом, был не слишком сложным, и мы буквально пресытились им» (капитан Лоуренс

щиков сейфов из Бюро и департамента морской разведки проникали в иностранные посольства и консульства, чтобы украсть коды и шифры.

Он пользовался данной ему властью как магнитом, собирая воедино фрагменты секретной информации, рассеянной в правительственных учреждениях, создавая засекреченные дела против десятков тысяч людей, подозреваемых в политической неблагонадежности. Американцы в равной степени с иностранцами могли оказаться в списке врагов, составленном Гувером, посетив политический митинг вместе с освещителем или подписавшись на одну из 222 радикальных иностранных газет, издававшихся в Соединенных Штатах.

Хранилище секретов, созданное Гувером, составило основу первичной системы центральной разведки. За три месяца после принятия должности он проверил досье на более чем 60 тысяч человек. Бюро сформировало по крайней мере столько же досье на места, где эти люди собирались, издания, которые они читали, и политические группировки, в которые они вступали. Каждый из этих людей должен был быть оценен как потенциальная угроза национальной безопасности. Каждый мог играть какую-то роль в тайном подполье, быть закамouflированным бойцом «безумного марша красного фашизма»⁴¹, как его стал называть Гувер, с целью со-

Ф. Саффорд, «Краткая история радиоразведки в Соединенных Штатах», Агентство национальной безопасности (рассекречено в марте 1982 г.).

⁴¹ Показания Гувера в Комиссии палаты представителей по антиамериканской деятельности, 26 марта 1947 г.

здания Советской Америки.

Из политического хаоса, царившего в России, поднимались к власти Ленин и Сталин. Страх того, что их революция начнет распространяться, был огромен.

12 августа, на второй неделе пребывания в должности, Гувер начал «энергичное и всестороннее изучение»⁴² американских граждан и иностранцев, «защищающих смену существующей формы правления с помощью силы или насилия». Министерство юстиции хотело получить показания «любого рода, будь то с чужих слов или каких-то иных», против американских коммунистов. Показания с чужих слов можно было использовать в судебных преследованиях по новым законам, принять которые Палмер убеждал конгресс. Палмер тщательно изучил законы⁴³ в поисках новых путей осуществлять аресты и заключать в тюрьму американцев за подстрекательство к бунту в мирное время. В 1919 году семьде-

⁴² Служебная записка Флинна 12 августа 1919 г., перепечатанная в «Расследовании деятельности министерства юстиции, письмо от министра юстиции», 66-й созыв, 1-я сессия, 15 ноября 1919 г.

⁴³ Письмо от министра юстиции в ответ на резолюцию сената от 17 октября 1919 г., «Доклад о деятельности Бюро расследований министерства юстиции против лиц, проповедующих анархию, подстрекających к бунту и свержению правительства с применением силы» (Вашингтон, округ Колумбия: Government Printing Office, 17 ноября 1919 г.). С. 5—13. Министр юстиции Палмер только что проиграл беспрецедентное дело против трех членов крошечной шайки испаноговорящих анархистов в Буффало, штат Нью-Йорк, которые опубликовали памфлет, от которого кровь стыла в жилах. Федеральный судья отклонил обвинение 24 июля 1919 г., сказав, что для него нет оснований в законе.

сят таких законопроектов были представлены конгрессу. Ни один не был принят.

23 августа Гувер провел серию встреч с комиссаром иммиграционной службы Энтони Каминетти – шестидесятипятилетним политиком из Калифорнии с пышными седыми усами с закрученными вверх концами. Гувер тесно сотрудничал с Каминетти во время войны. Каминетти контролировал регистрационные данные приблизительно на 13 миллионов иммигрантов – на каждого восьмого жителя Америки, включая 1,7 миллиона уроженцев Германии, 1,6 миллиона – Италии и 1,4 миллиона – России. Гувер подозревал, что ударные силы «красного» фашизма находятся среди них. Вместе они начали разрабатывать план избавления нации от врагов. Закон о высылке анархистов давал им полномочия выдворять иностранцев, пропагандирующих революцию, в ходе упрощенного судебного разбирательства без предъявления обвинений или признания виновным. Гувер предложил завоевать одобрение общественности, сделав первыми ссыльными двух самых известных в Америке подстрекателей – Эмму Гольдман и Александра Беркмана. К счастью для Гувера, оба они уже были в тюрьме за агитацию против войны, оба должны были быть отпущены на свободу через месяц и обоим можно было быстренько предъявить обвинение и отправить на родину в Россию.

Гольдман проповедовала атеизм, свободную любовь, контроль над рождаемостью и другие противозаконные вещи.

Гувер назвал ее «красной царицей анархии». Ее бывший любовник Беркман половину своей жизни провел в тюрьме за попытку убийства сталелитейного магната Генри Фрика. Он никогда не претендовал на то, что он американский гражданин. Дело против него было простым. Но Гольдман утверждала, что она американка по браку, что препятствовало ее депортации. Гувер взял в свои руки решение этой проблемы.

В ту же неделю в конце августа 1919 года Гувер внедрил своих агентов в две ведущие «левые» организации, существовавшие в США. Обе они собирались в Чикаго в субботу-воскресенье Дня труда.

Одной из них была социалистическая партия. Социалисты пытались открыто работать в рамках американской политической системы на протяжении многих лет; их кандидаты баллотировались на государственных и местных выборах по всей стране и иногда побеждали. Но когда руководитель партии Юджин Дебс оказался в тюрьме, их иерархия нарушилась. Самые радикальные члены партии взбунтовались, возглавляемые яркой личностью – Джоном Ридом, который был тайным советским агентом и автором вымышленного рассказа о восстании большевиков под названием «Десять дней, которые потрясли мир». В шумной группировке, которая называла себя Коммунистической трудовой партией, к Риду присоединился его друг Бенджамин Джитлоу, член Законодательного собрания Нью-Йорка.

Второй организацией, находившейся под наблюдением,

был малоизвестный Союз русских рабочих. Взгляд Гувера упал на рапорт об этом союзе, поданный инициативным агентом Бюро расследований по имени Эдгар Б. Шпеер. Будучи когда-то газетным репортером в Питсбурге, Шпеер имел хорошие источники информации среди угольных и сталелитейных магнатов Среднего Запада; его сын дорос до председателя Сталелитейной корпорации Соединенных Штатов. Предприниматели предупредили Шпеера о существовании Союза русских рабочих среди шахтеров Пенсильвании, Огайо и Западной Вирджинии. Он изучил архив документов, захваченных в штаб-квартире союза на Манхэттене, и пришел к заключению, что Русские рабочие составляют заговор тысяч иммигрантов – атеистов, коммунистов, анархистов, готовясь восстать против Америки. Это «террористы», докладывал он, «готовые на любую работу, когда настанет время революции»⁴⁴.

Гувер начал готовиться к контрреволюции в Америке.

⁴⁴ Эдгар Б. Шпеер, «Ассоциация русского пролетариата, иногда называемая Союзом русских рабочих», 8 апреля 1919 г., Бюро расследований, Национальное управление архивов и документации М-1085, бобина 931, док. 313846. 15 августа 1919 г. полиция города Нью-Йорка, подстегиваемая Объединенным законодательным комитетом по расследованию бунтарской деятельности и Арчибалдом Стивенсоном, провела вторую облаву в Русском доме на Пятнадцатой Ист-стрит. На первом этаже была обнаружена классная комната, полная иммигрантов, которые учились читать и писать, а также изучали революцию, по предположениям участников облавы. На последнем этаже трое мужчин готовили к печати газету на русском языке под названием «Хлеб и свобода». Всем троим 20 августа было быстро предъявлено обвинение в преступной анархии. Эти обвинения не появились на первых полосах газет.

Глава 4. Коммунисты

Коммунистическая партия Соединенных Штатов Америки родилась в Доме Российской Федерации в Чикаго 7 сентября 1919 года. По крайней мере пять правительственных агентов присутствовали при ее рождении. Их рапорты пришли прямо к Дж. Эдгару Гуверу. Это одни из первых депеш холодной войны в Америке.

Здание, по сообщению спецagenta Бюро Августа Х. Лоула, было украшено красными лентами, вымпелами и флагами. Полицейские Чикаго сорвали украшения, прежде чем делегатов призывали к порядку, хотя и оставили висеть красный миткалевый транспарант длиной 75 футов, на котором было написано: «Да здравствует диктатура пролетариата!»

137 официальных делегатов съезда были фанатиками, обладавшими склонностью к политиканству «партийной машины». За лето они противозаконно перекачали средства тысяч состоявших в организации и плативших налоги социалистов, многие из которых были членами Союза русских рабочих.

Среди делегатов находился тайный осведомитель Бюро расследований № 121 – русский по рождению из города сталелитейщиков Гэри (штат Индиана), который зарегистрировался в списке как Н. Нагоров. Ему было поручено следить за «тайными совещаниями руководителей коммунистического

движения или любыми другими тайными мероприятиями, которые могли придумать радикалы»⁴⁵ за пределами зала, где проходил съезд, как сообщил агент Лоула.

Заседание было открыто для публики; выступления с указанием продолжительности были распечатаны на ротаторе. Но тайный осведомитель № 121 докладывал, что «вся игра была сыграна за закрытыми дверьми» под руководством «русского парового катка, как позже называли его американские делегаты»⁴⁶.

Пока полиция срывала красные ленты на первом этаже, русские и их союзники-славяне устроили тайное заседание на втором этаже. Они поклялись, что «эта партия станет точной копией русского оригинала». Они будут провоцировать бунт среди американских рабочих и «обучать их тактике большевиков для свержения правительства и захвата государства коммунистической партией».

⁴⁵ Август Х. Лоула «Съезд Коммунистической партии: 1 сентября 1919 г.». Досье министерства юстиции / Бюро расследований, Национальное управление архивов и документации М-1085, док. 313848. Лоула прекрасно осознавал «важность прикрытия для наших тайных осведомителей», сохранения их личных данных в секрете, а их работы – в тайне от общественности, согласно записям руководителя Бюро Билла Флинна. Социалисты оставили Чикаго разделенным и упавшим духом; один из их лидеров назвал коммунистическое движение, которое появилось в результате такого раздела, «смехотворным фиаско» под руководством русской черни и «горстки американских интеллектуалов, щедро сдобренной агентами министерства юстиции».

⁴⁶ Тайный осведомитель № 121, «В отношении съезда Коммунистической партии 1–7 сентября 1919 г.», досье министерства юстиции / Бюро расследований, Национальное управление архивов и документации, М-1085, док. 313846.

7 сентября тайный осведомитель № 121 послал русского-ворящему специальному агенту Бюро Якобу Сполански черновик конституции новой партии.

Она гласила: «Название этой организации будет Коммунистическая партия Америки. Ее цель – просвещение и сплочение рабочего класса с целью установления диктатуры пролетариата, ликвидация капиталистической системы и создание коммунистического общества»⁴⁷.

«Свержение правительства»

К 8 сентября 1919 года Гувер изучил десятки рапортов из Чикаго – речей и брошюр, в которых сотрудники правоохранительных органов назывались «головорезами и доносчиками»⁴⁸, содержались призывы к общенациональным забастовкам, рабочей революции и созданию Советской Америки.

Гувер считал, что государство стоит на пороге восстания, несравнимого ни с каким восстанием со времен Гражданской войны. Он пришел к выводу, что «красными» в Чикаго руководил Коммунистический интернационал в Москве. Он написал в отчете конгрессу, что у них одна цель – «сверже-

⁴⁷ Конституция Коммунистической партии США. Доклад Коммунистическому интернационалу (Чикаго: Communist Party of America, n.d. 1919).

⁴⁸ Джекоб Сполански и др. «В отношении собрания коммунистов в аудитории на Вест-Сайде, Чикаго», 21 сентября 1919 г., DoJ/BoI Investigative Files, Национальное управление архивов и документации M-1085, док. 313846 и 313848.

ние правительства Соединенных Штатов с применением силы и насилия»⁴⁹.

Гувер правильно интуитивно почувствовал связь с Москвой. Советские архивы, извлеченные на свет божий после окончания холодной войны, показывают, что Коминтерн пытался поддержать своих американских союзников контрабандным золотом и бриллиантами и что Джон Рид был одним из контрабандистов⁵⁰. Сколько денег реально было доставлено в кофрах американских коммунистов из революционной России – другой вопрос. Их могло быть десятки, сотни тысяч долларов или больше; в это были вовлечены много посредников, и не все из них были честными комиссионера-

⁴⁹ Дж. Эдгар Гувер, резюме «Коротко о коммунистической партии», поданное в Комитет по процедурным вопросам палаты представителей, 66-й созыв, 2-я сессия (Вашингтон, округ Колумбия: Government Printing Office, 1920 г.).

⁵⁰ Вопрос о том, покрывал ли Коминтерн расходы американских коммунистов, решен в архивах Коминтерна. Да, покрывал. Но сколько именно посылал Коминтерн – этот вопрос еще остается открытым. В архивах есть подтверждение четырех секретных субсидий в 1919 и 1920 гг. в виде драгоценных металлов и бриллиантов общей стоимостью более 2 миллионов русских рублей. Эту сумму нельзя точно перевести в американские доллары, но она могла составлять сотни тысяч долларов или даже миллионов в зависимости от того, как обменивались драгоценности. Однако эмиссар Коммунистической партии Америки просил у Коминтерна более скромные суммы в 1920 г., что наводит на мысль о меньшей щедрости Москвы. Этот запрос на 60 тысяч долларов для Коммунистической партии США, поданный в Коминтерн Луисом С. Фрейной в августе 1920 г., включал 20 тысяч долларов для «заключенных – на их защиту, поддержку подсудимых», 15 тысяч долларов на «агитацию среди негритянского населения», 10 тысяч долларов на «агитацию среди солдат и моряков» и 15 тысяч долларов на выпуск трех газет.

ми. Тем летом Коминтерн также прислал своим американским союзникам тайное коммюнике, призывающее их провоцировать забастовки и раздоры по всей стране. И хотя его воздействие нельзя измерить, все было ясно. Американские рабочие восстали против своих хозяев, подняв новую волну протеста после Дня труда 1919 года.

9 сентября три четверти личного состава бостонской полиции вышли на улицы, когда их комиссар отверг их призыв образовать профсоюз. Полицейские были коммунистами не больше, чем Вудро Вильсон, но президент назвал их преступниками, а губернатор Массачусетса Кэлвин Кулидж вызвал Национальную гвардию, которая открыла огонь по 1117 протестующим полицейским.

10 сентября прозвучал призыв к общенациональной забастовке от рабочих железо- и сталеплавильных заводов. Русские иммигранты и славяне отработали много тяжелейших смен на сталелитейных заводах, трудясь по семьдесят часов в неделю в убийственных условиях за жалованье, не покрывавшее прожиточный минимум. На улицы вышли по крайней мере 275 тысяч рабочих-литейщиков, которые требовали восьмичасовой рабочий день, шестидневную рабочую неделю и право заключать коллективные договоры. Министерство юстиции во главе с министром Палмером делали все, чтобы свалить забастовку литейщиков на коммунистов, в частности Уильяма З. Фостера, позднее ставшего тайным лидером американского коммунистического движения. Гу-

вер будет преследовать Фостера в течение последующих сорока лет. Руководители сталелитейной промышленности вызвали солдат, полицию, частных детективов и местные добровольные дружины, чтобы разделаться с рабочими. Министерство обороны удовлетворило просьбы штатов и городов пресечь забастовки литейщиков. Армия ввела военное положение там, где это было оправданно.

Никто не спрашивал одобрения у президента Вильсона. Президент хранил молчание.

25 сентября, ведя кампанию в поддержку создания Лиги Наций и находясь в поезде за пределами Пуэбло (штат Колорадо), президент повернулся к своему лечащему врачу и сказал, что не может дышать. Он прилег на койку, но не смог встать на следующей остановке в Вичите (штат Канзас). «Похоже, я никуда не гоюсь», – пробормотал он. Поезд помчался назад в Вашингтон. Вильсон свалился в Белом доме неделю спустя. 2 октября инсульт привел его на грань жизни и смерти.

Президент лежал на постели Линкольна; левая сторона его тела была парализована, говорить он не мог. Прессе и общественности было сказано, что у него нервное истощение, не более того. Его инсульт держали в тайне ото всех, кроме узкого круга приближенных. В этот критический час в стране не было руководителя. Президент оставался невидимым, запертый в Белом доме, когда власть ускользала от него.

«Осужден на Сибирь»

Министр юстиции Палмер видел себя следующим президентом. Ему был нужен быстрый политический успех, чтобы завладеть вниманием всего народа.

Давление на Палмера росло. Конгресс требовал действий. 17 октября сенат принял резолюцию, в которой Палмеру было открыто задан вопрос, сделал ли он что-либо для борьбы с силами, пытающимися свергнуть правительство, «а если нет, то почему»⁵¹. Его министерство юстиции не признало виновным ни одного революционера, террористические заговоры в масштабах государства оставались нераскрытыми, а руководители коммунистической партии в Чикаго⁵² открыто насмехались над агентами Бюро, которые противостояли им, и

⁵¹ «Письмо от министра юстиции в ответ на резолюцию сената от 17 октября 1919 г.» (Вашингтон, округ Колумбия: Government Printing Office, 17 ноября 1919 г.).

⁵² В октябре специальный агент Август Лоула отправился в Русский дом, который теперь стал штаб-квартирой Коммунистической партии США, чтобы изъять призывающие к бунту брошюры. Он предстал перед руководителями партии лицом к лицу. Согласно его рапорту, они спросили его, «как получилось, что они удостоились визита агента министерства юстиции». Он ответил, что, когда он вернется, он приготовит для них «приглашение выбирать камеры в окружной тюрьме». Но когда он прочитал брошюру, он мрачно заключил, что «она не содержит ничего, на чем можно было бы построить обвинение» (Август Х. Лоула, «Посещение штаб-квартиры коммунистической партии, Чикаго – 14 октября 1919 г.», следственные досье министерства юстиции / Бюро расследований, Национальное управление архивов и документации М-1085, док. 202600-14).

говорили, что могут говорить и писать все, что захотят, согласно Конституции.

За результатами Палмер обратился к Дж. Эдгару Гуверу.

27 октября Гувер был в Нью-Йорке⁵³ лицом к лицу с Эммой Гольдман в небольшой комнате вдали от большого главного зала иммигрантского центра на острове Эллис; статуя Свободы стояла в полумиле от этого места в гавани, подняв факел. Гувер проводил дни в городе, подготавливая дело о депортации; в свободную минуту он наблюдал за тем, как конная полиция разгоняет дубинками русских демонстрантов во время просоветского марша по Пятой авеню.

Перед Гувером, сидевшим за правительственным столом, лежали стопки речей и произведений Гольдман, обличительных речей в адрес анархистов десятилетней давности. Он использовал ее собственные слова против нее же. Инспектор иммиграционной службы ни минуты не сомневался: он спросил Гольдман, анархистка ли она; она отказалась отвечать. Инспектор решил, что она анархистка; таким образом, ее можно было депортировать в Россию. Оставался единственный вопрос: как это сделать. Гувер решил эту проблему. Работая вместе с министерством обороны и Госдепом, он реквизирует военный транспортный корабль «Буфорд», списанный всего несколько дней назад. Этот корабль был

⁵³ Доклад Гувера о поездке в Нью-Йорк подробно изложен в кн.: *Акерман К. Юность Дж. Эдгара: Гувер. Страх перед «красными» и посягательство на гражданские свободы* // Young J. Edgar: Hoover, the Red Scare, and the Assault on Civil Liberties. Нью-Йорк: Carroll & Graf, 2007. С. 102–105.

тридцатилетней развалиной, он протекал и гроыхал, но обладал еще достаточно хорошими мореходными качествами, чтобы переправить в тот год на родину 4700 американских солдат из Франции.

«Буфорд» и повезет сотни презираемых Америкой радикалов туда, откуда они прибыли.

30 октября Гувер приказал своим агентам приготовиться к первой ожесточенной схватке – массовым арестам членов Союза русских рабочих. «Бюро расследований желает, чтобы руководители каждого местного отделения Союза русских рабочих в скором времени оказались под стражей»⁵⁴, – написал Гувер начальнику иммиграционной службы Каминетти 3 ноября. Он попросил «инспекторов иммиграционной службы о взаимодействии в то время, когда будут проводиться облавы на этих людей». Каминетти дал свое добро. Облавы были назначены на пятничный вечер 7 ноября 1919 года – день второй годовщины русской революции. Не было секретом, что сторонники Советов планировали отметить этот день речами и митингами в городах по всей Америке.

Люди Гувера нанесли первый удар около 8 часов вечера.

⁵⁴ Гувер – Каминетти, 3 ноября 1919 г., Национальное управление архивов и документации RG85, папка 85-54235/36. Празднование второй годовщины русской революции началось в Нью-Йорке вечером с речей Сантери Нуортевы – второго по величине человека в советском дипломатическом представительстве на Манхэттене и Бенджамина Джитлоу – члена Законодательного собрания от социалистов, ставшего руководителем Коммунистической рабочей партии США. Агенты Бюро расследований, находившиеся в зале, стенографически слово в слово записывали их выступления.

Агенты Бюро в сопровождении нью-йоркских полицейских окружили штаб-квартиру Союза русских рабочих на Восточной Пятнадцатой улице. Они вывели из здания всех, кто в нем был, — всего более двухсот человек; некоторых избивали дубинками, сломанными стойками перил и стальными ломami, пробивая людям черепа и круша кости. Они обыскивали здание настолько тщательно, что комнаты выглядели так, будто в них взорвался динамит. Нью-Йоркская полиция оформила 71 ордер на обыск по всему городу и арестовала каждого коммуниста, имеющего членский билет, которого смогла найти. Сотрудники Бюро долго и упорно работали по всей стране. Они вершили суровое правосудие в Чикаго, Детройте, Кливленде, Питсбурге и дюжине других больших и малых городов. Гувер неистово старался накачать газеты подстрекательской коммунистической пропагандой, которую его агенты захватили в ту ночь.

Отклик был колоссальный. Палмера приветствовали как героя-победителя. Признание политиков и прессы росло. Разукрашенный фургон Палмера, мечтавшего стать президентом, тронулся с места. Полный гордости и пьянящего духа саморекламы, Палмер провозгласил, что в результате арестов разгромлен коммунистический заговор против Америки.

Но последствия были скрыты от общественности. Сотрудники Бюро схватили гораздо больше людей, чем они планировали арестовать; Гувер получил гораздо меньше ордеров

на арест, чем было нужно. Досье Бюро показывают, что были арестованы 1182 подозреваемых⁵⁵ в восемнадцати городах восьми штатов – почти на тысячу людей больше, чем Палмер публично признал. В последующие дни оказалось, что 199 из них заслуживают депортации согласно закону. В заключении оставалась почти тысяча задержанных. Некоторые из них на месяцы исчезли в городских и окружных тюрьмах; самым неудачливым приходилось страдать от побоев и пыток со стороны агентов Бюро и местных полицейских.

Налеты на Союз русских рабочих были лишь началом. Гувер планировал гораздо более масштабные репрессивные акции через несколько недель.

Он готовил легальные инструкции, согласно которым каждый член коммунистической партии являлся преступником, участвующим в заговоре против Соединенных Штатов. «Они хотели бы уничтожить мир в этой стране и ввергнуть ее в состояние анархии, беззакония и безнравственности, выходящее за рамки воображения»⁵⁶, – писал он. Он верил в это всю свою жизнь.

⁵⁵ Список, Союз русских рабочих (облава 7 ноября 1919 г.), служебная записка для господина Берка, следственные досье министерства юстиции / Бюро расследований, Национальное управление архивов и документации М-1085, док. 202600-14; ежегодный доклад главного комиссара иммиграционной службы министру труда: финансовый год закончился 30 июня 1920 г. (Вашингтон, округ Колумбия: Government Printing Office, 1920 г.).

⁵⁶ Сводки, процитированные в кн.: *Гувер Дж. Э. Мастера обмана / Masters of Deceit*. Нью-Йорк: Henry Holt & Co, 1958.

18 ноября Гувер отправил дополнительные распоряжения всем агентам на местах с пометкой «Лично и конфиденциально» и своими инициалами Дж. Э. Г. Он хотел получить письменные показания под присягой с перечислением всех тех людей в Америке, которые были «выдающимися фигурами в коммунистической деятельности». Эти показания послужили бы доказательством того, что тот или иной человек – коммунист, имеющий членский билет; одно только членство в партии оправдывало депортацию согласно Закону о высылке анархистов. Масштаб задачи был потрясающий: в одном только городе Нью-Йорке было 79 местных отделений коммунистической партии и Коммунистической трудовой партии, и у каждого были свои руководители. «Чтобы составить точный, соответствующий действительности список этих людей, потребуется провести некоторое расследование с помощью как тайных, так и явных следователей»⁵⁷, – предупредил 4 декабря свое руководство в Бюро перепуганный специальный агент М. Дж. Дэвис. Но Гувер хотел получить результаты немедленно. Он сообщил Каминетти 16 декабря о том, что готов прислать «значительное количество письменных показаний, данных под присягой»⁵⁸. Он не уточнил, сколько именно.

⁵⁷ Дэвис М.Дж. «О коммунистической партии», 4 декабря 1919 г., Национальное управление архивов и документации М-1085, бобина 931, док. 313846.

⁵⁸ Гувер – Каминетти, 16 декабря 1919 г., Национальное управление архивов и документации М-1085, док. 313846.

В ночь на 20 декабря Гувер в сопровождении пяти конгрессменов и группы репортеров сел в катер, чтобы проплыть по Нью-Йоркской гавани. По Гудзону плыл лед, а холодный ветер наметал сугробы у казарм на острове Эллис. Внутри казарм ожидали своей участи 249 иностранных анархистов – сброд из Союза русских рабочих и прославленные бунтари Эмма Гольдман и Александр Беркман. Миновала полночь. Депортируемые по одному выходили к пришвартованной барже.

«Этот сброд был очень дерзок, – рассказывал Гувер, – полон сарказма»⁵⁹. Гувер вступил с ними в разговор. Он подошел вплотную к Эмме Гольдман – символу радикальной Америки. «*Разве я не честно поступил с вами, мисс Гольдман?*» – спросил Гувер. Она ответила: «Полагаю, что вы поступили честно, насколько могли. Нельзя ожидать ни от кого того, что находится за пределами его возможностей».

Баржа отвезла «красных» к краю гавани в форт Вадсворт на побережье Стейтен-Айленда – старейшую военную крепость в Соединенных Штатах, где в доке стоял «Буфорд». Эмма Гольдман была одной из последних, кто вступил на его борт.

«Было 4:20 утра Божьего дня 21 декабря 1919 года, – написала она через много лет. – Я была потрясена, увидев

⁵⁹ Цитата Гувера в «Нью-Йорк трибюн», 22 декабря 1919 г.; «*Разве я не честно поступил с вами?*»: источник цитаты – конгрессмен Уильям Вейл из Колорадо, официальный бюллетень конгресса США, 5 января 1920 г.

транспорт политссылных, осужденных на Сибирь... передо мной встала Россия прошлого... Но нет, это был Нью-Йорк, Америка – страна свободы! Через иллюминатор я видела, как огромный город остается вдали, его контуры на фоне неба оставались различимы благодаря возвышающимся зданиям. Это был мой любимый город, столица Нового Света. Это была Америка – да, Америка повторяла ужасные сцены из истории царской России! Я подняла глаза – на статую Свободы!»⁶⁰

«Буфорд» выскользнул из Нью-Йоркской гавани; его пленники направлялись в Советскую Россию. Гувер сел на первый же поезд в Вашингтон. В последующие десять дней он совершенствовал свои планы войны с коммунизмом.

Гувер отметил свой двадцать пятый день рождения дома – в доме своей матери, где по-прежнему жил, – в первый день Нового года. Затем пошел на работу. Он все сделал для того, чтобы война началась вовремя.

⁶⁰ Гольдман Э. Моя жизнь / Living My Life. Нью-Йорк: Dover Publications, 1970. С. 716–717.

Глава 5. «Кто такой господин Гувер?»

Днем 30 декабря 1919 года генеральный секретарь Коммунистической партии Америки Чарльз Э. Рутенберг пошел пообедать в Нью-Йорке с семьей своими ближайшими товарищами. Один из них был тайным шпионом, сообщения которого шли в министерство юстиции с пометкой «Вниманию господина Гувера».

Рутенберг был худ как жердь и лысоват; выглядел гораздо старше своих 37 лет. Он баллотировался на высокую должность по списку социалистов в Огайо и выиграл приличное количество голосов. В 1918 году он сел в тюрьму, будучи признанным виновным по Закону о шпионаже за противодействие войне, и вышел оттуда ярким коммунистом. Он недавно был привлечен к суду по обвинению в преступной анархии за публикацию политической платформы партии в Нью-Йорке. Теперь он боялся, что грядет новая волна арестов. «Коммунистическая партия практически разбита, — сказал он, если верить рапорту тайного агента Гуверу. — Большинство ее руководителей либо в тюрьме, либо скрываются, либо боятся»⁶¹. Если федеральное правительство на-

⁶¹ Личность агента остается неустановленной. Он, очевидно, проник в исполнительный комитет коммунистической партии. Возможно, это был Кларенс Хэт-эуэй — один из основателей компартии США и осведомитель ФБР, начиная с 1920 г. Рапорт о результатах тайного наблюдения за ним ушел от бригадного генерала Малборо Черчилля — начальника военной разведки в отдел Гувера 12

несет новый удар, опасался он, партии придется уйти в подполье или погибнуть.

В тот момент Гувер отсчитывал часы до начала репрессий.

У Гувера были под рукой имена 2280 коммунистов, и утром 31 декабря он добавил к этому списку еще сотни имен. Его люди работали без отдыха на протяжении шести недель, собирая эти имена. Бюро установило личности по крайней мере 700 коммунистов в одном только Нью-Йорке. Гувер прибегнул к помощи тайных осведомителей внутри коммунистических рядов, офицеров военной разведки, государственной и местной полиции, предпринимателей, частных детективов, виджилантес из Американской лиги защиты и ветеранов недавно созданного Американского легиона. К ночи в канун Нового года Гувер получил санкцию приблизительно на 3 тысячи арестов от действующего министра труда, который курировал департамент иммиграции, и убедил иммиграционные власти изменить их правила ведения дел, чтобы отказать арестованным в праве встретиться с адвокатом.

«С помощью своих тайных осведомителей устройте так, чтобы в намеченный вечер члены коммунистической и Коммунистической трудовой партий собрались на заседа-

января 1920 г., Национальное управление архивов и документации М-1085, док. 313846. Хотя в первое десятилетие существования компартии США в ней было много фракций, «основателем коммунистической партии в Соединенных Штатах» был Рутенберг, по выражению Джея Лавстоуна – сначала члена компартии, а затем одного из главных антикоммунистов страны.

ния»⁶², – гласил приказ, отданный агентам Бюро, ответственным за проведение репрессий в двадцати трех штатах. Агентам было велено не заниматься поисками ордеров на арест, если только в них не возникнет безусловная нужда. Им были отданы указания врываться в частные дома и учреждения, исследовать стены и потолки с целью нахождения тайников, изучать документы и забирать «литературу, книги, документы и все, что висит на стенах».

«Сообщайте по междугородней связи господину Гуверу о любых вопросах и делах чрезвычайной важности или представляющих особый интерес, которые могут возникнуть в ходе арестов, – гласил приказ, подписанный Фрэнком Берком, непосредственным начальником Гувера. – Отправьте в наш офис срочной доставкой с пометкой «Вниманию господина Гувера» полный список имен арестованных людей». Агентам напоминали о чрезвычайной секретности: «Чтобы не было никакой утечки», они не должны были говорить представителям ни государственной, ни местной полиции о запланированном ударе, пока до начала акции не останется несколько часов.

Последние приказы вышли за подписью Гувера. «Все инструкции, ранее выданные вам для осуществления арестов коммунистов, должны быть выполнены во всех деталях, –

⁶² Берк – Келлехеру, 27 декабря 1919 г.; опубликовано в «Обвинениях в незаконных действиях министерства юстиции», сенат Соединенных Штатов, 66-й созыв, 3-я сессия (Вашингтон, округ Колумбия: Government Printing Office, 1920. С. 12–14).

говорилось в них. – Бюро и министерство ожидают от вас отличных результатов на вашей территории»⁶³. Отданные приказы уполномочивали тридцати трех специальных агентов говорить репортерам, что «аресты носят общенациональный характер и проходят под руководством министра юстиции».

Крупнейшие массовые аресты в истории Соединенных Штатов начались в 9 часов вечера в пятницу 2 января 1920 года. Они остались в истории как «палмеровские облавы». Но Палмер ни организовывал их, ни руководил ими. Этим занимался Гувер.

«Ни один преступник не может ускользнуть из человеческой сети»

Агенты Бюро врывались на политические митинги, в частные дома, общественные клубы, танцзалы, рестораны и питейные заведения по всей Америке. Они вытаскивали людей из книжных магазинов и спален. Гувер работал целыми сутками, отвечая на трезвонящие телефоны и читая срочные телеграммы, когда группы его людей сообщали о своем прибытии на места действия по всей стране.

Не все облавы прошли гладко. «Около 25 иностранцев были задержаны ночью по подозрению, и, если в ряде случаев

⁶³ Телеграмма агентам – руководителям региональных отделений, посланная Дж. Эдгаром Гувером 2 января 1920 г., Национальное управление архивов и документации М-1085, док. 313846.

мы были убеждены в том, что они являлись членами коммунистической партии, у нас не было доказательств этого, – докладывал Гуверу специальный агент, ответственный за аресты в Буффало. – Когда они отрицали это, их отпускали»⁶⁴.

В пятничный вечер и субботнее утро сотрудники Бюро задержали 2585 человек, но работа была сделана только наполовину. Облавы продолжались всю следующую неделю. Агенты нашли по крайней мере еще 2705 новых ордеров на арест. К тому же сотни людей, а возможно, и тысячи были арестованы без ордеров. Говорили, что в облавах были схвачены от 6 до 10 тысяч человек. Никто никогда не узнает точно, сколько людей было арестовано и посажено в тюрьму, сколько допрошено и освобождено. Никакие официальные подсчеты не велись.

После этих облав положение коммунистической партии стало очень шатким. Чарльз Рутенберг и его ближайшие сподвижники уцелели благодаря тому, что ушли в подполье, взяли себе другие имена, поддерживали связь с помощью кодов, перешли на нелегальный образ жизни. Несколько написанных Рутенбергом от руки сообщений обнаружились в архивах Коминтерна в конце века. «Нападение на нашу организацию, – писал он, – сделало невозможным функциониро-

⁶⁴ Особый агент регионального уровня Майрон Дж. Блэкмон «Доклад об облаве на «красных» в Буффало, штат Нью-Йорк, ночь с 2 на 3 января 1920 г.», подшито к делу 14 января 1920 г., Национальное управление архивов и документации М-1085, док. 202600-1613.

вание нашей партии в масштабах всей страны»⁶⁵. Он провел следующие и последние семь лет своей жизни в бегах, неся обвинение, находясь под судом, в тюрьме или ненадолго на свободе, будучи на поруках.

К среде, 7 января, около 5 тысяч арестантов заполнили окружные тюрьмы и федеральные исправительные центры по всей стране. Остров Эллис был переполнен. Тюремь Чикаго были забиты. В Детройте восемьсот подозреваемых заполнили коридор на верхнем этаже почтамта. Мэр выразил протест против их задержания в таком месте, а один известный горожанин сравнил его с «черной дырой» Калькутты. В Бостонской гавани более шестисот человек жались друг к другу в неотапливаемой тюрьме на Оленьем острове.

«Министерство юстиции Соединенных Штатов в настоящее время представляет собой человеческую сеть, ускользнуть из которой не может ни один преступник»⁶⁶, – написал министр юстиции Палмер. Его помощники посылали в каждую крупную американскую газету и журнал кипы сообщений, политических карикатур и фотографий всклокоченных людей, содержащихся под стражей. Палмер заявил, что он «выметает из государства такую иностранную грязь», вдохновляемый «надеждой на то, что граждане Америки сами

⁶⁵ Чарльз Рутенберг, «Доклад ответственного секретаря Центральному исполнительному комитету Коммунистической партии Америки», 18 января 1920 г.

⁶⁶ Палмер А.М. Дело «красных» / The Case Against the «Reds»; Forum 63. 1920. С. 173–185.

станут добровольными агентами для нас в огромной организации».

«Что станет с правительством Соединенных Штатов, если этим иностранным радикалам позволить воплощать в жизнь принципы коммунистической партии? – вопрошал Палмер. – Ничего тогда не останется. Вместо правительства Соединенных Штатов у нас будут царить ужас и терроризм большевицкой тирании... Министерство юстиции будет бдительно расследовать нападение этих «красных» на правительство Соединенных Штатов, и ни один иностранец, пропагандирующий свержение существующих закона и порядка в этой стране, не ускользнет».

Конгресс теперь проводил серьезное обсуждение законов о подстрекательстве к мятежу, которые предложил Палмер, – новых законов, по которым американцы попадали в тюрьму за политически окрашенные речи в мирное время. Палата представителей проголосовала за то, чтобы запретить своему единственному члену социалистической партии занимать свое место в палате. Законодательные органы Нью-Йорка изгнали из своих рядов пятерых избранных в них членов – социалистов. Шло публичное одобрение действий Палмера. Политики называли его явной кандидатурой на пост следующего президента Соединенных Штатов.

Гувер купался в лучах отраженной славы. Теперь он стал общественной фигурой, его цитировали по всей стране в качестве главного специалиста по коммунизму министерства

юстиции.

Первые портреты Гувера у власти показывают, как он горд. Он в хорошей форме, элегантен, щеголевато одет. На нем костюм по последней моде и галстук, туго завязанный под слегка выступающим подбородком. На его лице виден намек на улыбку, но глаза абсолютно серьезны. Он подписывает ордер чернильной ручкой. Он выглядит поразительно молодо.

Гувер начал обрабатывать репортеров, как это делали его начальники. Он хранил пухлый альбом газетных вырезок. (Иногда его отождествляли с Дж. А. Гувером или Дж. Д. Гувером. Но недолго.)

Он работал, чтобы продвигать свою репутацию внутри и вне правительства с помощью регулярных бюллетеней о «красных» и радикалах в Америке. Первый бюллетень вышел через несколько дней после январских облав 1920 года. Он утверждал, что все прошлогодние угрозы – террористические взрывы, общенациональные забастовки стали следствием главного заговора, разработанного в Кремле.

«Революционный заговор носит международный характер, его энергично продвигают и весьма умело возглавляют, – было написано в одном из его докладов конгрессу, который был предупреждением об угрозе существованию Америки. – Цивилизация стоит перед самой ужасной угрозой с тех времен, когда орды варваров наводнили Западную Ев-

ропу, и началась эпоха Темных веков»⁶⁷. Он теоретически предполагал, что коммунисты могут организовать тайные ячейки в Мексике, накопить оружие, полученное из Германии и Японии, пересечь границу и посеять семена революции среди чернокожего населения на юге Америки. Он полагал, что сражается с миром для сохранения равновесия.

Гувер отправился на свою первую контртеррористическую облаву 14 февраля 1920 года. Сотрудники Бюро и местной полиции ворвались в арендуемые помещения и промышленные склады города Патерсона (штат Нью-Джерси) и нашли семнадцать членов итальянской анархистской банды под названием «Новая эра». За четыре недели до этих событий Бюро внедрило в нее своего тайного осведомителя. «Схвачены террористы в ходе облав в Патерсоне», – гласил заголовок в «Нью-Йорк таймс». Бюро заявило, что стопки чистой розовой бумаги, захваченной во время налета, напоминали листовки, которые были найдены у взорванного дома министра юстиции Палмера в июне 1919 года – «первый ключ, ведущий к источнику взрывов, потрясших нацию», – писала газета.

Но у Гувера не было времени расследовать этот «ключ». Он был вызван в федеральный суд Бостона защищать поведение сотрудников Бюро в войне с коммунизмом.

⁶⁷ Гувер, «Доклад о работе отдела по борьбе с радикалами», перепечатан в документе «Министр юстиции А. Митчелл Палмер об обвинениях, выдвинутых против министерства юстиции», 65-й созыв, 2-я сессия, 1 июня 1920 г.

«Демократия сейчас не в безопасности»

Нарастало политическое неприятие облав – общественная реакция, которую Гувер не мог и предположить.

Главный федеральный обвинитель в Филадельфии – прокурор Френсис Фишер Кейн вышел в отставку, написав открытое письмо президенту. «Я решительно против массовых облав на иностранцев, которые проводятся по всей стране, – писал он. – Политика облав против большого количества людей, как правило, неразумна и приводит к несправедливости»⁶⁸. Руководитель федеральной службы иммиграции в Сиэтле доложил вышестоящему начальству в Вашингтоне, что сотрудники Бюро арестовывают бесчисленное множество невинных людей с целью найти горстку подозреваемых. А в Бостоне федеральный судья по имени Джордж У. Андерсон, обращаясь к двумстам гостям, собравшимся на банкет, устроенный Гарвардским либеральным клубом, выступил с открытым вызовом этим облавам.

Судья Андерсон утверждал, что правительство само фабрикует заговоры. «Как следствие нашей «войны за то, чтобы сделать мир безопасным для демократии», настоящая демократия в Америке сейчас не в безопасности, – сказал он. – Те же самые люди и газеты, которые на протяжении двух

⁶⁸ Письмо Фрэнсиса Фишера Кейна было напечатано в Обзор 43. 1920. 31 января. С. 501–503.

лет фабриковали прогерманские заговоры, сейчас продвигают идею «красного террора»⁶⁹...

Я не могу сказать, что больше не появится какой-нибудь бомбометатель. «Красные» существуют – вероятно, существуют и опасные «красные». Но они и наполовину не настолько опасны, как мелющие языком псевдопатриоты...

Настоящие американцы – люди, верящие в закон, порядок, свободу, терпимость к взглядам других людей по политическим и религиозным вопросам, не предаются саморекламе и не пропагандируют свой патриотизм. Они слишком уважают свою принадлежность к американской цивилизации и свой патриотизм, чтобы позорить эти прекрасные слова, как их ежедневно позорят те, кто использует их для личной или политической известности».

На следующий день в федеральный суд в Бостоне пришло прошение о представлении арестованных в суд для рассмотрения законности ареста, поданное от имени заключенных, содержащихся на Оленьем острове. Судья Андерсон инициировал это прошение, тайно устроив так, что сам должен был слушать это дело, после консультации с молодым гарвардским преподавателем юриспруденции и приверженцем Либерального клуба по имени Феликс Франкфуртер. Комис-

⁶⁹ Речь судьи Андерсона была изложена в ежедневном бюллетене Harvard Alumni Bulletin и перепечатана в: La-Follette's Magazine 12. № 2 (февраль 1920 г.). С. 3. Материалы об Андерсоне на посту министра юстиции США и его подходе к передаче арестованных по делу об Оленьем острове в суд см. статью о нем в «Йельском биографическом словаре американских юристов».

сар федеральной иммиграционной службы в Бостоне Генри Дж. Скеффингтон, названный главным ответчиком, пришел в ярость. «Я с огромным удовольствием лично доберусь до некоторых из этих членов Гарвардского либерального клуба! – воскликнул он. – Если у меня будет ордер в кармане, я с удовольствием доберусь до них»⁷⁰.

Министр юстиции Палмер, готовившийся объявить себя кандидатом в президенты, не хотел обременять себя подробностями этого дела. Он велел Гуверу заняться им.

Министерству юстиции нужно было защищать аресты, проведенные сотрудниками Бюро, и депортации на Олений остров перед враждебно настроенным судьей на открытом судебном процессе. Гувер знал, что это непросто. Бюро превысило свои полномочия, поведение его сотрудников не могло выдержать тщательного изучения.

Ранним утром в среду, 7 апреля 1920 года, Гувер прибыл в Бостон ночным поездом из Вашингтона, чтобы ответить на первый вызов в суд. В суде под председательством судьи Андерсона Феликс Франкфуртер, представлявший интересы заключенных, быстро предъявил в виде доказательства телеграмму, которая поступила агентам Бюро: избегать ордеров на обыск, хватать все, что попадется им в руки, и докладывать непосредственно Гуверу. Сидя за столом правительственных служащих и перешептываясь с прокурором Соединенных Штатов, Гувер имел все причины размышлять над

⁷⁰ Скеффингтон процитирован в: Бостон глоб. 1920. 13 января.

тем, как его тайные приказы из штаб-квартиры с пометкой «Строго конфиденциально» и его подписью оказались в руках подозреваемых радикалов. Он слушал, как Франкфуртер допрашивал Джорджа Келлехера – старшего агента Гувера в Новой Англии:

Вопрос. Господин Келлехер, мужчин и женщин забирали в ту ночь безо всякого ордера на арест, не так ли? (Возражение. Отклонено.)

Ответ. Да, так.

Вопрос. Ваши люди обыскивали людей, их дома и помещения, в которых были арестованы разные мужчины и женщины? (Возражение. Отклонено.)

Ответ. Да.

Вопрос. И они забирали – не так ли? – бумаги, документы, книги и всякое такое? (Возражение. Отклонено.)

Ответ. В соответствии с инструкцией...

Вопрос. Обыски проводились офицерами независимо от предъявления ордера на обыск? (Возражение. Отклонено.)

Ответ. ...Это было предоставлено офицерам на выбор.

Вопрос. Что вы делали с теми людьми, к которым ордер не имел отношения или кто не подходил для ордера? (Возражение. Отклонено.)

Ответ. Они были задержаны на вокзале или привезены в Бостон и доставлены на Олений остров.

Свидетельские показания обратились к теме использования государством тайных осведомителей. «Кого-то нанимают ходить под кличкой, или псевдонимом, или какой-то личиной, притворяться коммунистом, или социалистом, или анархистом... Это ведь чрезвычайно опасная вещь, не так ли? – сказал судья. – Удивляюсь, что за последние шесть месяцев не повесили ни одну ведьму».

Затем сам судья допросил Генри Дж. Skeffingtona – комиссара иммиграционной службы Бостона:

Вопрос. Проводились ли эти аресты в ходе облав вашими силами или министерством юстиции?

Ответ. Министерством юстиции, ваша честь...

Вопрос. Вы можете назвать какое-нибудь судебное постановление или закон, согласно которому сотрудники министерства юстиции имеют полномочия на арест?

Ответ. Нет, я об этом ничего не знаю, господин судья...

Вопрос. Вам были даны инструкции так действовать?

Ответ. Мы так поняли.

Вопрос. Письменные инструкции?

Ответ. Нет. В Вашингтоне у нас было совещание... с господином Гувером...

Вопрос. Кто такой господин Гувер?⁷¹

⁷¹ Протоколы слушания дела в присутствии судьи Андерсона процитированы в «Докладе о незаконных действиях министерства юстиции США» Национальной народной правительственной лиги, май 1920 г.

Ответ. Господин Гувер – должностное лицо в министерстве юстиции.

Гувер не горел желанием давать свидетельские показания под присягой об облавах. Просидев полтора дня на слушании убийственных свидетельских показаний, он покинул здание суда и упаковал вещи.

«По-видимому, это дело было проведено согласно современной теории об искусстве управлять государством: сначала вешай, потом суди»⁷², – написал судья в судебном решении об освобождении тринадцати заключенных на Оленьем острове под залог 500 долларов. В окончательном заключении суда он назвал поведение сотрудников Бюро незаконным и неконституционным. Правительство создало «шпионскую сеть», которая «уничтожает надежду и доверие и распространяет ненависть», – заключил он. «Толпа – это толпа, состоит ли она из правительственных чиновников, действующих по инструкции из министерства юстиции, или преступников, бездельников и порочных людей».

Министерство юстиции так и не оспорило постановление судьи Андерсона.

⁷² Там же.

«Везде видеть «красных»

Гувер возвратился в Вашингтон, чтобы встретиться со своим новым непримиримым противником – Луисом Ф. Постом, семидесятиоднолетним помощником министра труда. 10 апреля, через три дня после провальной поездки Гувера в Бостон, Пост выбросил более тысячи из остававшихся дел о депортации.

Пост всю свою жизнь был либералом, который знал Эмму Гольдман и восхищался ею. В качестве чиновника министерства труда, курировавшего федеральную систему иммиграции, он тоже подписал приказ на ее депортацию. Теперь он использовал все свои административные полномочия, чтобы пересмотреть дела около 1400 людей, которые были арестованы во время облав на «красных». Он обнаружил, что приблизительно в трех из четырех дел Бюро нарушало закон. Многие сотни задержанных не были членами коммунистической партии: их имена были переписаны со списков членов социалистической партии, они зашли в зал заседаний коммунистов из любопытства или их «замели» по ошибке. Пост также отбросил дела, в которых заключенным было отказано в адвокате или их судили на основании незаконно полученных улик. Он действовал, руководствуясь буквой закона, а не духом времени. Такими темпами 4 или 5 тысяч дел, связанных с облавами на «красных», оказались бы потерянными.

Гувер повел яростную контратаку, которая ознаменовала появление новой американской практики – политического надзора за его выдающимися противниками.

Он собрал досье на политические связи Поста с людьми, придерживавшимися левых взглядов, и послал его ключевым фигурам в конгрессе. Его целью было убрать Поста с должности и отменить его постановления. Его первое вторжение в сферу политической войны на высших уровнях правительства изначально имело успех. Комитет по процедурным вопросам палаты представителей принял ходатайство об официальном расследовании поведения Луиса Поста и назначил слушания через четыре недели.

Министр юстиции Палмер пошел с делом Гувера в Белый дом. Палмер потребовал немедленной аудиенции у президента. Это привело к тому, что первое заседание кабинета было созвано Вудро Вильсоном через семь месяцев. Белый дом стал медицинским изолятором для Вильсона с того момента, когда его постиг катастрофический удар.

В 10 часов утра 14 апреля 1920 года Палмер прошел через охраняемый вход у запертых ворот Белого дома, поднялся в кабинет президента и увидел умирающего человека. Вильсон не мог пошевелиться без посторонней помощи. Его мысли перескакивали с одного на другое, речь была заторможена. Президент лишь смутно осознавал, что в Соединенных Штатах ведется война с коммунизмом.

Через несколько минут после начала заседания кабине-

та Палмер попытался взять руководство в свои руки. Сохранился отчет одного надежного свидетеля из записок министра военно-морского флота Джозефа Дэниелса, в котором описаны «горячие дебаты», которые начал Палмер. Палмер доказывал, что перед страной встала угроза революции и восстания. Он направил внимание президента на кризис, который инициирует Луис Пост. Он потребовал увольнения Поста.

Президент «велел Палмеру не позволить стране везде видеть «красных» – «весьма нужное указание», как услышал Дэниелс, «так как Палмер видел «красных» под каждым кустом». Палмер предпочел истолковать слова президента совершенно иначе. Он услышал то, что хотел услышать: разрешение для его кампании по очистке страны от коммунистов.

29 апреля Палмер объявил, что 1 мая в Соединенных Штатах произойдет террористический акт. Это предупреждение шло непосредственно от Гувера и Бюро расследований – предупреждение о международном заговоре «красных» с целью убийства американских лидеров и уничтожения американских архитектурных памятников.

«Заговор носит общенациональный характер»⁷³, – сказал министр юстиции газетчикам. Он сказал, что цели убийц – правительственные чиновники и лица, занимающие руководящие посты в структурах исполнительной власти. Всем тем заметным персонам, которые оказались в этом списке, было

⁷³ Нью-Йорк таймс. 1920. 30 апреля, 1 мая.

передано предупреждение. Сотрудники Бюро, государственные добровольные вооруженные отряды и полицейские были начеку по всей стране, сосредоточившись в Нью-Йорке, Чикаго, Филадельфии и Новом Орлеане. Они вели наблюдение на железнодорожных вокзалах, в гаванях, за офисами на Уолл-стрит и домами самых влиятельных людей в Америке.

Тревога была ложной. Наступило 1 мая, и день прошел без особенных происшествий. «Хотя вечер еще не закончился, похоже, что неожиданные беспорядки предотвращены», — сказал Гувер репортерам поздно вечером того дня. Посыпались понятные насмешки — зародилось подозрение, как отмечал сам Гувер, что первомайские заговоры были «плодами воображения министра юстиции»⁷⁴. И тут же пресса, общественность и политический истеблишмент начали подвергать сомнению суждение главного блюстителя закона страны. Конгресс быстренько урезал бюджет, запрошенный Палмером для Бюро расследований, на одну треть.

7 мая Гувер сидел на заднем ряду в зале, где проходили слушания конгресса, и вел записи, когда перед враждебно настроенным Комитетом по процедурным вопросам предстал Луис Пост. В ходе двухдневной дачи показаний Пост не оставил камня на камне от обвинений в политически неправомерном поведении, которые предъявили ему Палмер и Гувер. Рассматривая одно дело за другим, Пост доказал, что

⁷⁴ Гувер. Доклад о работе отдела по борьбе с радикалами // Палмер об обвинениях. С. 186.

ни одного из ста людей, арестованных в январских облавах, нельзя было законно обвинить в планировании насильственного свержения правительства. Он утверждал, что даже презируемый иностранец имеет право на должную судебную процедуру; аресты, проводимые без предъявления ордеров, признания, полученные под силовым давлением, и «вина по ассоциации» – не американские методы. После десяти часов слушания показаний конгрессмены решили, что не будут ни предъявлять ему обвинение, ни осуждать его. Вместо этого они решили призвать самого Палмера к ответу за обвинения в адрес Поста.

Гувер немедленно начал готовить показания для министра юстиции. Он исправил свои тщательно аргументированные законные инструкции, доказывая, что членство в коммунистической партии составляет преступление против Соединенных Штатов, караемое депортацией. Он сказал Палмеру, что у него есть превосходная возможность рассказать миру «реальную историю о «красной» угрозе»⁷⁵.

Но Луис Пост первым нанес ответный удар. Его адвокат мобилизовал коалицию, которая называла себя Национальная народная правительственная лига и собиралась опубликовать листовку «Доклад американскому народу о незаконной практике министерства юстиции», подписанный двенадцатью известными деканами юридических факультетов и юристами, среди которых был новый главный враг Гувера –

⁷⁵ Гувер – Палмеру 5 мая 1920 г., досье министерства юстиции 209264.

Феликс Франкфуртер, гарвардский либерал. Гувер приказал начальнику Бостонского отделения Бюро Джорджу Келлехеру завести дело на будущего судью Верховного суда.

«Доклад американскому народу», напечатанный 28 мая 1920 года, обвинил Палмера и Гувера в применении пыток и незаконном заключении людей в тюрьму. В нем говорилось, что эти люди организовали «наступление на самые священные принципы наших конституционных свобод»⁷⁶.

«Массовые аресты иностранцев и граждан США проводились без ордеров или какой-либо законной процедуры; мужчин и женщин бросали в тюрьму и держали отрезанными от внешнего мира, не допуская к ним ни друзей, ни адвокатов; в дома входили, не имея на руках ордеров на обыск, – говорилось в нем. – Мы не ставим под сомнение право министерства юстиции использовать своих агентов в Бюро расследований для выяснения фактов, когда нарушается закон. Но американский народ никогда не был терпимым к использованию тайных агентов-provokatorov, как в старой России или Испании. Такие агенты были внедрены министерством юстиции в радикальные движения... они подстрекали к действиям, которые можно объявить преступными».

В течение следующих трех дней Гувер лихорадочно работал, подготавливая ответ Палмера конгрессу. Он вложил

⁷⁶ «Доклад американскому народу о незаконных действиях министерства юстиции», Национальная народная правительственная лига, Вашингтон, округ Колумбия, 1920 г.

в него все, что имел, — краткие официальные сообщения о «красной» угрозе, изъятые документы американских «левых», показания под присягой своих агентов против депортированных лиц, абзацы из радикальных памфлетов, хроники русской революции, декреты Коминтерна, «Коммунистический манифест» Карла Маркса от 1847 года. Документ охватывал страны и десятилетия — более 30 тысяч слов, написанных за семьдесят два часа.

На кону стоял пост президента: через четыре недели должен был состояться съезд национальной Демократической партии, и Палмер оставался среди основных претендентов на должность президента. Будущее войны Америки с коммунизмом могло сказаться на его результатах, равно как и на будущем его главного стратега. Если Палмер выигрывал, Гувер мог стать его преемником на посту министра юстиции.

Утром 1 июня Палмер и Гувер вместе поднялись на верхний этаж Капитолия. Небольшой зал для слушаний Комитета по процедурным вопросам палаты представителей был переполнен репортерами и зрителями. Одно окно зала выходило на южную сторону Капитолийского холма, где находился дом Гувера. Конгрессмен Филипп Кэмпбелл, республиканец из Канзаса, начал слушания в 10 часов утра.

Гувер молча сидел рядом с Палмером. Министр юстиции посмотрел вниз и начал читать; и он не останавливался до второй половины следующего дня. Он описывал мир, охваченный огнем коммунизма, который атакует политические

институты страны, ее церкви, школы, заводы, газеты, привлекая на свою сторону людей благодаря коварной лжи. Эта «революционная зараза» распространилась от трущоб Нью-Йорка до афганских хижин вследствие «ядовитого вируса» своей идеологии. Палмер предложил любому, кто сомневается в природе этой угрозы, посмотреть на фотографии заключенных, сделанных сотрудниками Бюро расследований, чтобы увидеть «жестокость, безумие и преступление» в их «хитрых и коварных глазах».

«Моя собственная жизнь каждый день находится под угрозой», – сказал он; его репутация убита «друзьями этих преступников», которые представляли их в суде и перед конгрессом. Палмер приберег свои самые язвительные слова для Луиса Поста и юристов, которые подписали «Доклад американскому народу». Такие люди, по его словам, ничем не лучше коммунистов. «Они не колеблясь придали широкую огласку своей защите всех этих коммунистов и преступников-анархистов и своим обвинениям в том, что с этими людьми жестоко обращались...

Я полагаю, что общественность имеет право знать, что происходит в этой стране, – сказал Палмер. – Я пытался рассказать об этом людям. Я рассказал им правду».

Но это была не вся правда. В конце второго дня дачи показаний Палмер поместил в официальный бюллетень конгресса США документ, который подготовил Гувер, о работе отдела по борьбе с радикалами Бюро расследований. В нем

содержался «полный рассказ... о террористическом заговоре, который разразился в дюжине городов Америки год назад», — сказал Палмер. Где-то в глубине этого доклада имелись несколько горестных абзацев, в которых говорилось, что, оглядываясь назад, правительство могло ошибиться, обвинив в этом заговоре коммунистов. Но министр юстиции не прочел об этом ни слова. «Это заняло бы слишком много времени, — сказал он. — Эта история может занять около часа».

Репутация Палмера в глазах общественности была подпорчена его предупреждениями об угрозах, которые так и не осуществились. К моменту его появления на съезде национальной Демократической партии, который открылся в Сан-Франциско в конце июня 1920 года, его политическое реноме стремительно падало вниз, а его мечты о выдвижении кандидатом на вожде́ленный пост таяли. Гувер, совершивший свою первую поездку на Западное побережье, был одним из многих помощников министра юстиции, которые собирались в номере люкс Палмера в отеле «Святой Франциск», все еще надеясь, что он выиграет. Но после сорока четырех тайных голосований Палмер отозвал свою кандидатуру. Его жизнь в политике была кончена.

Палмера и Гувера еще раз вызвали на Капитолийский холм в последние дни пребывания Вильсона на посту президента, чтобы те дали показания о январских облавах на «красных». Палмер утверждал, что подробности ему неиз-

вестны. «Неизвестно даже, сколько ордеров на обыск было подписано?» – спросил сенатор Томас Дж. Уолш, демократ из Монтаны. «Не могу сказать, сенатор, – ответил Палмер. – Если хотите, спросите господина Гувера, в ведении которого все это находилось; он вам сможет ответить». Сенатор обратился к молодому крестоносцу.

Гувер ответил, что не имеет ни малейшего понятия. «Вам вообще об этом ничего не известно?» – спросил сенатор Уолш. И Гувер ответил: «Нет, сэр»⁷⁷. Всю оставшуюся жизнь он не признавал своей роли в этих облавах. Он учился тому, что секретность и обман – необъемлемые элементы политической войны.

«Мы их достанем»

Гувер подготовил для конгресса доклад, в котором утверждал, что облавы привели к «гибели коммунистических партий в этой стране»⁷⁸, что было преждевременным хвастовством. В общей сложности 591 иностранец должен был быть

⁷⁷ Цитата из «Доклада о незаконных действиях».

⁷⁸ Доклад Гувера конгрессу о работе отдела общей разведки, 5 октября 1920 г. Он был прав наполовину. Документы Коминтерна, ставшие достоянием общественности в конце века, показывают, что членство в Коммунистической партии Соединенных Штатов Америки с уплатой членских взносов после облав резко сократилось с 23 744 человек в декабре 1919 г. до 2296 человек в феврале 1920 г., затем выросло до 8223 человек в апреле 1920 г.; по-английски говорили менее тысячи человек, остававшихся в платежных ведомостях.

депортирован. 178 американских граждан в стране были признаны виновными по законам о шпионаже и подстрекательстве к бунту. Собственные записи Гувера показывали, то по крайней мере девять из десяти людей, брошенных в тюрьмы в январе 1920 года, уже на свободе. Он вознамерился убрать с американского ландшафта тысячи радикалов и потерпел неудачу.

Гувер решил, что пора перестроить отдел по борьбе с радикалами.

Он переименовал его в отдел общей разведки. И это было не косметическое изменение. Теперь Гувер собирался охватить «деятельность не только радикалов в Соединенных Штатах», но и деятельность «международного характера»; не только политику радикалов, но и «экономические и промышленные беспорядки» в том числе. Его амбиции ширились, равно как и его понимание того, чего будет стоить защита Америки.

Короче, это была разведка. Он писал, что с людьми, ведущими подрывную политическую деятельность, лучше бороться тайно; правительство не может справиться с «ситуацией с радикалами с точки зрения судебного преследования за преступления»⁷⁹. Закон был слишком слабой силой, чтобы защитить Америку. Только тайная разведка могла обнаружить и разрушить угрозу, исходившую от «левых», и защитить Америку от их нападения.

⁷⁹ Доклад Гувера конгрессу о работе отдела общей разведки, 5 октября 1920 г.

Вскоре после полудня в четверг, 16 сентября 1920 года, когда Гувер вносил последние штрихи в свои планы относительно отдела общей разведки, на углу Уолл-стрит и Брод-стрит на Манхэттене взорвался фургон на конной тяге. Был погожий день, и сотни людей вышли в свой обеденный перерыв прогуляться, получить краткую передышку от огромной машины, делающей деньги. Бомба превратила центр капитализма Америки в место бойни. Кровь текла по улицам, где был созван первый конгресс Соединенных Штатов, а Билль о правах стал законом. Осколки повредили стены и выбили стекла в здании «Дж. П. Морган и К^о» – самого крупного банка Америки. Эти отметины остались, высеченные на угловых камнях домов со стороны тротуара.

Бомба убила тридцать восемь человек и ранила около четырех сотен. Это была террористическая атака в истории Соединенных Штатов с самым большим числом жертв, и такой она оставалась в течение следующих семидесяти пяти лет.

За несколько минут до взрыва в трех кварталах от него почтальон вынул письма из почтового ящика. Он нашел в нем пять грубо и неграмотно написанных красными чернилами от руки памфлетов со штемпелем. «Свободу политическим заключенным, иначе всем вам верная смерть!» – было написано в них. Они были подписаны «Американские анархисты-боевики».

Взрыв на Уолл-стрит почти наверняка был актом возмездия за предъявление обвинительного акта двум итальянским

анархистам – Николе Сакко и Бартоломео Ванцетти, осужденным за пять дней до взрыва по обвинению в убийстве и вооруженном ограблении кассира обувной фабрики и его охраны за пределами Бостона. Гувер тщетно «педалировал» расследование. Ни один подозреваемый не предстал перед судом.

«Мы их достанем»⁸⁰, – поклялся начальник Гувера Билл Флинн. Но Бюро так и не сделало этого.

⁸⁰ Нью-Йорк таймс. 1920. 19 сентября.

Глава 6. Преступники

«Я не гожусь для этой должности, и мне не следовало бы быть здесь»⁸¹, – сокрушался президент Уоррен Дж. Хардинг в Белом доме. Его суждение в кои-то веки было здравым.

Хардинг был издателем провинциальной газеты, который взлетел по карьерной лестнице как сенатор Соединенных Штатов от Республиканской партии из Огайо. Когда 4 марта 1921 года Хардинг стал президентом, он привел с собой в Вашингтон старых друзей. Самым близким из них был организатор его избирательной кампании Гарри М. Догерти, который стал министром юстиции Соединенных Штатов.

Два известных сенатора-республиканца настоятельно предостерегали Хардинга от выдвижения его кандидатуры. «Догерти был моим лучшим другом с самого начала, – ответил президент. – Он говорит мне, что хочет быть министром юстиции, и – клянусь Богом – он будет министром юстиции!»⁸². Умелый политический махинатор, Догерти до этого не один год выкручивал руки, будучи лоббистом в за-

⁸¹ Слова Хардинга, процитированные близким советником Николасом Мюрре-ем Батлером, президентом Колумбийского университета, в книге «Беспокойные годы: Воспоминания и размышления» / Across the Busy Years: Recollections and Reflections. Нью-Йорк: Charles Scribner's Sons, 1939. Т. 1. С. 411.

⁸² См.: Расселл Ф. Тень цветущей рощи: Уоррен Дж. Хардинг и его время / The Shadow of Blooming Grove: Warren G. Harding and His Times. Нью-Йорк: McGraw-Hill, 1968. С. 427.

конодательном органе штата Огайо. Он специализировался на отмене законопроектов, которым противостояли большие компании. Он пресекал сделки между бизнесменами и политиками, имевшими общие интересы – деньги и власть. Весть о его репутации дошла до Вашингтона раньше его самого. Как только Догерти появился там, его власть возросла. Он стал одним из главных чиновников-преступников страны.

И хотя министерство юстиции и Бюро расследований покроют себя позором за годы правления Хардинга, Дж. Эдгар Гувер будет процветать.

Гувер добился повышения на должность номер два в Бюро расследований в возрасте 26 лет. Его репутация была незапятнанна, его сосредоточенность на «красной» угрозе не ослабевала, его компетенция не ставилась под сомнение. Он не видел большой разницы между американскими радикалами – коммунистами, социалистами, анархистами, пацифистами. Они были врагами государства.

Пока Гувер занимался войной с коммунизмом, Гарри Догерти заботился о своих друзьях. Новый министр юстиции поставил своего давнего друга Уильяма Дж. Бернса во главе Бюро в августе 1921 года. Гувер, который к этому времени стал законченным культиватором своих начальников, уверил Бернса, что Бюро не первый год занимается проникновением в ряды американских радикалов. «Мы постарались иметь осведомителя в каждом крупном политическом движении в стране», – сказал он, а отдел общей разведки был

начеку в отношении новых угроз со стороны «левых»⁸³.

Шестидесятилетний Бернс был самым известным в Америке частным детективом. Его талант к саморекламе был впечатляющим. Приобретя дурную славу федерального следователя, оказывающего давление на присяжных в суде, в ходе расследования в 1905 году дел о махинациях с землей, которые поддерживал президент Теодор Рузвельт, он добился шумного одобрения, подслушивая телефонные разговоры и ведя тайное наблюдение за гостиничными номерами с целью признать виновными двух рядовых членов криминальной группировки, участвовавших в 1910 году в осуществлении взрыва в штаб-квартире «Лос-Анджелес таймс», в результате которого погиб 21 человек. Он был близок к тому, чтобы самому сесть в тюрьму в 1915 году за кражу документов из нью-йоркской юридической фирмы. Через несколько часов после взрыва на Уолл-стрит в 1920 году Бернс публично заявил, что за этим нападением стоят коммунисты, и поклялся отдать их в руки правосудия. Он предложил награду 50 тысяч долларов от имени Международного детективного агентства У. Дж. Бернса за информацию, ведущую к аресту и признанию виновными устроителей взрыва. Теперь, став директором Бюро расследований, Бернс пообещал общественности, что Бюро найдет террористов, устроивших взрыв на Уолл-стрит.

⁸³ Гувер – Бернсу, 20 сентября 1921 г., Национальное управление архивов и документации М-1085, док. 202600-1617-53.

Агенты Бюро в Чикаго в поисках улик по делу о взрыве перехватили письмо из подполья коммунистической партии в Нью-Йорк. Правительство «считает нас ответственными за кошмар на Уолл-стрит»⁸⁴, – гласило письмо, предупреждая о новых репрессивных акциях. «Январские облавы в прошлом, – говорилось в нем в начале. – Так что некоторые члены нашей партии начинают думать, что все улеглось. Мы хотим обратить ваше внимание на тот факт, что министерство юстиции по-прежнему работает. Оно будет продолжать делать свое дело, пока мы существуем как революционная организация. Шпионы, стукачи, провокаторы и всякие подонки полны решимости так или иначе проникнуть в нашу организацию или разузнать о ее деятельности... будьте очень осторожны... если вас арестовали... не отвечайте ничего».

«Организация, объявленная вне закона»

Гувер мобилизовал свою растущую сеть осведомителей. Он изучал донесения и конфиденциальную информацию, полученные от агентов Бюро, офицеров армейской и военно-морской разведок, руководителей Американской лиги защиты, командиров Американского легиона, начальников полиции, руководителей муниципальных учреждений, банкиров, страховых агентов, телефонных и телеграфных компа-

⁸⁴ «Циркуляр для членов Объединенной коммунистической партии», Национальное управление архивов и документации М-1085, док. 202600-14.

ний. Он предупреждал, что «красные» роют ходы в профсоюзы, на заводы, в церкви, школы, колледжи, газеты, журналы, женские клубы и негритянские организации. Его еженедельные сводки для министра юстиции вбивали в голову идею об угрозе. Догерти не нужно было убеждать. «Советская Россия – враг человечества, – утверждал он. – Русские собираются завоевать не только Америку, но и весь мир»⁸⁵.

Весной и летом 1921 года⁸⁶ десятки агентов Бюро под руководством Гувера шпионили за людьми, подозреваемыми в принадлежности к коммунистической партии, по всей стране, проникали на их собрания и вламывались в их штаб-квартиры. Когда агенты Бюро и антитеррористическое подразделение Нью-Йорка ворвались в квартиру на Бликер-стрит и захватили списки членов партии, внутрипартийные донесения и зашифрованные официальные сообщения, они нашли инструкцию, озаглавленную «Правила работы партии в подполье»⁸⁷.

Правила были подробные:

⁸⁵ См.: *Догерти Г.М.* Рассказ изнутри о трагедии Хардинга / *The Inside Story of the Harding Tragedy*. Бостон: Западные острова, 1975. С. 119.

⁸⁶ С. Дж. Скалли «О деятельности коммунистов – специальный доклад», 1 мая 1921 г., Национальное управление архивов и документации М-1085, док. 202600-1775-8.

⁸⁷ Листовка Коммунистической партии США, без даты, архив Коминтерна, Русский государственный архив социально-политической истории (далее – РГАСПИ).

1. НЕ предавайте партийную работу и партийных работников ни при каких обстоятельствах.
2. НЕ носите с собой и не храните у себя имена и адреса, если они хорошо не зашифрованы.
3. НЕ храните открыто в своем жилище какие-либо обличающие документы или литературу.
4. НЕ идите на излишний риск в партийной работе.
5. НЕ уклоняйтесь от партийной работы из-за связанного с ней риска.
6. НЕ хвастайтесь тем, что вы должны сделать или сделали для партии.
7. НЕ разглашайте свое членство в партии без необходимости.
8. НЕ допускайте, чтобы шпионы следовали за вами на встречи или заседания.
9. НЕ теряйте самообладание в момент опасности.
10. Не отвечайте ни на какие вопросы, если вас арестовали.

Эта инструкция заканчивалась словами: «Избегайте ареста всеми возможными способами». Это была трудная задача для верхушки американского коммунистического движения. Почти все люди, возглавлявшие коммунистическую партию на протяжении последующих четырех десятилетий, провели какое-то время в тюрьмах за политическую работу между 1918 и 1923 годами. Немногие провели больше чем

несколько месяцев, не встречаясь с полицейским, судьей или тюремной камерой – в тюремном заключении или по обвинению в заговоре или подстрекательстве к бунту.

«Шпионы занимаются своим делом каждый день в каждом городе, прикладывая усилия к тому, чтобы разыскать членов нашей партии, разнюхать про наши заседания и места работы», – предупреждала инструкция с Бликер-стрит. Коммунисты считали, что находятся под наблюдением правительства каждую минуту своей жизни, работают ли они открыто или нелегально.

Один из шпионов Бюро присутствовал на Объединительном съезде коммунистических партий, проводимом в гостинице «Оверлук маунтин» в Вудстоке (штат Нью-Йорк) в мае 1921 года – тайном четырехдневном заседании⁸⁸ руководителей коммунистических организаций по всей Америке. Документы ФБР, рассекреченные в августе 2011 года, наводят на мысль, что лазутчиком был Кларенс Хэтэуэй⁸⁹ – один из основателей Коммунистической партии Соединенных Шта-

⁸⁸ Х. Дж. Ленон «Объединительный съезд коммунистических партий», Национальное управление архивов и документации М-1085, док. 202600-2265.

⁸⁹ 23 марта 1960 г. было установлено, что Хэтэуэй был осведомителем ФБР с 1920 г., о чем говорилось в служебной записке Гуверу во время встречи между Моррисом Чайлдсом, самым высокопоставленным шпионом ФБР в компартии США, и руководителями компартии Юджином Деннисом и Гасом Холлом. Служебная записка была рассекречена ФБР вместе с тридцатипятилетним досье о работе Чайлдса под кодовым названием «Соло». Служебная записка была опубликована 2 августа 2011 г. на вебсайте ФБР: vault.fbi.gov/solo. Документ, устанавливающий личность Хэтэуэя, находится в т. 19 на с. 29 этого досье.

тов и, согласно документам, осведомитель Бюро с самого начала.

В отчете Бюро о сборище в Вудстоке отмечалось, что Москва послала американским коммунистам 50 тысяч долларов и приказ прекратить распри и объединиться. Советы побуждали американских коммунистов выйти из подполья и начать открытую борьбу за власть. Трудно было понять, как это могло произойти. «Коммунистическая партия – явно противозаконная организация в Соединенных Штатах»⁹⁰, – написал тем летом отец-основатель партии Чарльз Рутенберг из тюрьмы Синг-Синг, отбывая срок наказания по государственным обвинениям в преступной анархии. Если бы партия осталась в подполье, она захирела бы и погибла. Если бы она попыталась работать в открытую, то подверглась бы нападению и была бы разгромлена. Он доказывал, что у партии должны быть два крыла: «одно – легальное, работающее публично, а другое – невидимое, тайное, нелегальное».

Шпион Бюро расследований в Вудстоке также сообщал, что основатель Американской партии труда Уильям З. Фостер, который пытался возглавить общенациональную забастовку сталелитейщиков два года назад, едет в Москву. Донесение было точным. Фостер отправился на заседания Коминтерна и Всемирный конгресс революционных профсою-

⁹⁰ Ч. Э. Рутенберг (писал под псевдонимом Дэвид Деймон), *The Communist* 1, № 2 (август 1921 г.). Цифры о количестве членов компартии США взяты из документов Коминтерна и собственных оценок Рутенберга, опубликованных в: *The Communist* 1, № 9 (июль 1922 г.).

зов в Москве, которые проходили в июне и июле 1921 года. Он встречался с Лениным и остался от него в восторге. Он вернулся в Чикаго как преданный советский агент и руководитель профсоюзов Соединенных Штатов от Коминтерна. Он стал ездить по стране, сплывая в организации угольщиков, горнорабочих и рабочих автомобильных заводов; его работу финансировала Москва. Когда он поднялся на вершину руководства Коммунистической партией Америки, Бюро расследований старалось отслеживать каждый его шаг.

«Из преступного мира пришла весть»

Президент Хардинг внешне добивался мира и примирения. Он отправил американскую делегацию на помощь Советам, чтобы справиться со страшным голодом осенью 1921 года. Она доставила миллиард фунтов продовольствия, хотя 5 миллионов русских все же умерли от голода. Он подписал воззвание, положившее конец состоянию войны Америки с Германией. Он принял сенсационное решение даровать рождественскую амнистию лидеру американских социалистов Юджину Дебсу, лишив юридической силы его приговор к десятилетнему заключению и пригласив его в Белый дом.

Но героем самых крупных газетных заголовков в то Рождество стал Уильям Дж. Бернс из Бюро расследований. Казалось, что главный сыщик Америки «расколол» свое са-

мое громкое дело: взрыв на Уолл-стрит был делом рук Ленина и Коминтерна. История была поразительной: четыре нью-йоркских коммуниста получили за эту работу 30 тысяч долларов, которые были доставлены советским дипломатическим представителем в Нью-Йорке. Но источник оказался мошенником, который работал профессиональным стукачом на Детективное бюро Бернса в Нью-Йорке. Он утверждал, что разговаривал с Лениным на съезде Коминтерна в Москве, на котором советский лидер высказал свое удовлетворение взрывом на Уолл-стрит и приказал совершить новый теракт в США. Это была чистейшая выдумка.

«Бернс ввел всех в заблуждение», — гласили заголовки.

Бернс был слишком продажен, чтобы смутиться. Но стали сказываться его старые неприглядные дела. Он имел дурную привычку вносить своих сыщиков в список государственных служащих. Самые вредные из них яростно нападали на Бюро расследований. В ходе своей долгой карьеры Гастон Буллок Минз выдержал обвинение в убийстве, краже, лжесвидетельстве, подделке документов и шпионаже против Соединенных Штатов, и все же Бернс нанял его в качестве агента Бюро и держал как платного осведомителя после того, как его неприглядное прошлое стало общеизвестным фактом в феврале 1922 года. Минз начал работать в министерстве юстиции в компании с сомнительным политиком из Огайо по имени Джесс Смит, который был самым давним другом министра юстиции Догерти и его соседом по комнате в гости-

нице «Уордман-Парк» в Вашингтоне. Джесс Смит был человеком, который должен был уладить это дело в министерстве юстиции.

Сухой закон, введенный в стране с 1920 года, создал в Америке коррумпированную политическую среду. Люди по всей стране жаждали контрабандного алкоголя. Средства от контрабанды шли на развитие организованной преступности. Контрабандисты платили федеральной, государственной и местной полиции за защиту. Преступные связи между нарушителями закона и работниками органов правопорядка тянулись на самую вершину власти в Вашингтон. Джесс Смит и Гастон Минз имели прибыльную работу в министерстве юстиции, продавая конфискованное правительством виски контрабандистам алкоголя.

«Из преступного мира пришла весть, что в министерстве юстиции есть человек, который умеет «улаживать дела»⁹¹, — писал кто-то в сочиненных от имени Гувера и опубликованных в 1938 году воспоминаниях, в которых рассказывалось о том, как делались дела в годы правления Хардинга. Уровень политических махинаторов, как его представлял себе Гувер, был заманчивым: «Я большой друг президента. Как высокопоставленное должностное лицо министерства юстиции, я знаю в Кабинете всех... Так что, если вы просто заплатите мне столько-то за баррель, я прослежу, чтобы вы полу-

⁹¹ Хлесткая фраза из воспоминаний Гувера, опубликованных в 1938 г., «Те, кто скрывается», и написанных его любимым журналистом Кортни Райли Купером.

чили столько виски, сколько захотите. Если быть с вами совершенно откровенным, у меня в Вашингтоне столько власти, что я могу позаботиться обо всем... кроме убийства».

Сам Белый дом был лавкой, незаконно торгующей спиртными напитками. Дочь покойного президента Элис Рузвельт Лонгворт, муж которой был влиятельным конгрессменом-республиканцем из Огайо, поднялась в Белом доме наверх во время одной из проводившихся Хардингом дважды в неделю вечеринок. Кабинет президента был полон закадычных друзей президента, вроде Гарри Догерти и Джесса Смита. Она писала: «Везде стояли подносы с бутылками всевозможных сортов виски, под рукой были карты и фишки для покера. Все были в расстегнутых жилетах и сидели положив ноги на стол; рядом стояли плевательницы»⁹²

⁹² *Рузвельт-Лонгворт Э. Насыщенные событиями часы / Crowded Hours.* Нью-Йорк: Charles Scribner's Sons, 1933. С. 320–325.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.